РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЫ

URGENT PROBLEMS OF EUROPE

Научный журнал
2015 – № 2

ОБРАЗ РОССИИ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

THE IMAGE OF RUSSIA IN EUROPE

Москва
2015

Журнал «Актуальные проблемы Европы»

Коллектив авторов

Актуальные проблемы Европы №2 / 2015

«Агентство научных изданий»

2015

УДК 323.17
ББК 66.2

Коллектив авторов

Актуальные проблемы Европы №2 / 2015 / Коллектив авторов — «Агентство научных изданий», 2015 — (Журнал «Актуальные проблемы Европы»)

Исследуются факторы, влияющие на восприятие России в Европе. Анализируются историческая эволюция образов, устоявшиеся стереотипы и новые преставления, возникающие в современном мире, подчеркивается роль СМИ, интеллектуальных и политических элит в формировании имиджа России в странах Европы. Для политиков, научных работников, преподавателей высшей школы, студентов и аспирантов.

УДК 323.17
ББК 66.2

© Коллектив авторов, 2015
© Агентство научных изданий, 2015

Содержание

Сведения об авторах 5
Введение 6
Польская общественная мысль о России 13
Общество и политические элиты Чехии о России 30
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Актуальные проблемы Европы №2 / 2015 Образ России в странах Европы

Сведения об авторах

Биткова Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Bitkova T.G. – Senior researcher, INION RAS, Ph.D. (Philology). (tgbitkova@mail.ru)

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Gordon A.V. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of Historical sciences (Sc. D. in History). (gordon_alexandr@mail.ru)

Зоткин Андрей Алексеевич – кандидат социологических наук, ученый секретарь Института социологии НАН Украины.

Zotkin A.A. – Scientific Secretary of the Institute of sociology NASU (Ukraine), Ph.D. (Sociology). (and-zotkin@yandex.ru)

Канинская Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Kaninskaya G.N. – Professor, Yaroslavl's State University after P.G. Demidov, Doctor of Historical sciences (Sc.D. in History). (kaninskg@mail.ru)

Кругликова Татьяна Вячеславовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Krouglikova T.V. – Senior researcher, INION RAS, Ph.D. (Economics). (global@inion.ru)

Лапина Наталия Юрьевна – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Lapina N. Yu. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of political sciences (Sc.D. in Politics). (lapina_n@mail.ru)

Лыкошина Лариса Семеновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Lykoshina L.S. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of historical sciences (Sc. D. in History). (lykoshina.lara@yandex.ru)

Орлов Борис Сергеевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Orlov B.S. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of historical sciences (Sc. D. in History).

Черкасова Екатерина Геннадиевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Cherkasova E.G. – Senior researcher, Institute of world economy and international relations RAS, Ph.D. (History). (katya_moscow@inbox.ru)

Черноморова Татьяна Васильевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Chernomorova T.V. – Senior researcher, INION RAS, Ph.D. (Economics). (global@inion.ru)

Щербакова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Scherbakova Yu.A. – Senior researcher, INION RAS, Ph.D. (History). (juli.bak@mail.ru)

Введение

С окончанием холодной войны и идеологической конфронтации международные кризисы в общественных науках начали трактоваться в цивилизационных категориях. Отечественные геополитики с поразительной готовностью подхватили максиму заокеанского политолога о «столкновении цивилизаций». Не вдаваясь в подробности, отметим: Сэмюэл Хантингтон призывал к сплочению Европы и Северной Америки перед лицом остального мира (West – Rest). В России идея противостояния нашей стране недифференцированного Запада, всецело контролируемого США, получила широкую популярность.

Между тем наиболее острые конфликты происходят внутри классических цивилизаций, о чем болезненно напоминает мусульманский мир. Фундаменталистский терроризм – такой же «выкидыш» (Ш. Эйзенштадт) современного цивилизационного процесса, какими были национализм и империализм в Европе, приведшие к Первой мировой войне, и тоталитарные режимы, возникшие после ее окончания.

Стереотипы «Запад–Восток», «Европа–Азия» соответствовали XIX в. А что наблюдается сегодня? Мы хотели ответить на этот вопрос, поставив во главу угла взаимодействие России и Европы на символическом уровне. В центре внимания авторов издания – образ России, сформировавшийся в странах Европы, в частности, под влиянием украинского кризиса.

В международных кризисах пространство представлений стран и народов друг о друге напоминает минное поле, где угрозу таят накопившиеся за долгие годы стереотипы. Стереотипы имеют тенденцию складываться по принципу «кто не с нами, тот против нас». Противостоять этой «баррикадной» логике сложно, она представлена и в материалах предлагаемого читателю выпуска журнала.

Логика «баррикад» уходит в далекое прошлое, в традицию выстраивать идентичность социума, а затем и государства на основе противопоставления *Другому* (*Другим*). Притом социум-государство, запоздавшее, подобно России, с вступлением на международную арену, особенно чувствительно к восприятию себя и своих действий за рубежом. Из века в век это находило отражение в стереотипной классификации иностранных представлений о России: положительные – отрицательные, дружественные – враждебные, «русофилия» – «русофобия», а также в устойчивой тенденции сводить негативные отзывы к культурно-психологическим комплексам их авторов при упорном нежелании найти в них повод для самокритичного размышления.

Классический пример – восприятие заметок маркиза де Кюстина, посетившего Россию летом 1839 г. Уже в царствование Николая I возникла целая библиотека опровержений маркиза и, что характерно, – по-французски, для Запада. А для русского читателя действовало правило, сформулированное В.А. Жуковским: «Нападать надобно не на книгу, ибо в ней много и правды, но на Кюстина»[1]. И дело не только в позиции правящих кругов. Кюстин, по выражению А.И. Герцена, «оскорбительно много видит»[2]. Маркиз нанес удар по национальному самолюбию европеизированной русской элиты, ибо, как заметил еще предшественник Кюстина Жозеф де Местр, «русские лучше, чем кто-либо, видят собственные свои пороки, но менее всех других терпят указания на оные»[3].

Подход Кюстина с его уничижительными оценками *Другого* – достаточно характерное явление для формировавшегося в Новое время самосознания Запада, как оно выражено в

---

[1] *Гессен С.И., Предтеченский А.В. Маркиз де Кюстин и его мемуары // Кюстин А. де. Николаевская Россия. – М.: Терра, 1990. – С. 25.*

[2] *Мироненко С.В. Голос из прошлого // Там же. – С. 5.*

[3] *Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803–1817. – СПб.: ИНА пресс, 1995. – С. 240.*

заметках европейских путешественников. Отдаленным предшественником маркиза можно считать Франсуа Бернье, записки которого о Могольской Индии стали каноническими для создания стереотипа «восточного деспотизма». В книге Кюстина о России особенности этой традиции выразились двояко. Сосредоточившись на критике самодержавного правления, маркиз присоединил к ней характеристику российского общества и культуры. Кроме прямолинейности обобщений бросается в глаза пренебрежение исторической динамикой. Признав Россию «полуазиатским» обществом, Кюстин полагал, что, сохраняя верность исконным традициям, она таковой и должна остаться.

Пафос книги очевиден – русским царям следует цивилизовать Азию и оставить претензии на гегемонию в Европе, заявленные после победы над Наполеоном. Материалы нашего издания свидетельствуют: в Европе остается немало последователей Кюстина, склонных маргинализовать Россию, вычеркнув ее из числа европейских стран.

А что думают по этому поводу в самой России? «Россия – европейская страна», – утверждала Екатерина II, и эту убежденность разделяли Карамзин и Пушкин. «Европеец» с гордостью назвали свой журнал братья Киреевские, «русским европейцем» именовал себя и Достоевский. Между тем сегодня на государственном уровне слышны заявления «Россия не Европа». Вперед выходят установки об особой цивилизации, мыслимой вне модернизационного процесса. Им сопутствует сакрализация прошлого, которая с энтузиазмом воспринимается национальным сознанием, мучительно переживающим распад Советского Союза. Оживший синдром «осажденной крепости» с исчерпывающей полнотой объясняет кризис в отношениях между Европой и Западом.

Цивилизационные особенности страны подменяются геополитическими соображениями, культурно-исторический анализ – озабоченностью статусом мировой державы. В цивилизационную характеристику включаются: мания пространства, стремящегося к расширению; военная мощь, обеспечивющая защиту от соперников/конкурентов; мессианский посыл, определяющий особое место России в мире, ее исключительность и самодостаточность.

В конечном счете подобные установки чаще всего предполагают особую роль государства, поглощающего и подменяющего собой общество. Исключительная, в том числе культуртрегерская, роль государственной власти трактуется как некая изначальность и даже предначертанность. Но сулит ли успеху российской модернизации отстаивание архетипов власти, сформировавшихся в эпоху «просвещенного абсолютизма»[4]?

Игорь Стравинский писал в 1930-е годы, что Россия «стоит на перекрестке, напротив Европы, но повернувшись к ней спиной»[5]. Проблема выбора, которую композитор определял как «основную историческую проблему» России, вновь вырисовывается в начале XXI столетия, когда мир стал глобальным. Итак вопрос остается открытым: Россия вместе с Европой, Россия как *Другая* Европа в общем цивилизационном процессе или как нечто совершенно отличное?

Неготовность большей части отечественной элиты к выбору в пользу полноценной модернизации выразилась в обращении к советско-имперским образцам государственной политики. При этом Советский Союз истолковывается как «социалистическая империя», а империя Романовых – как братство народностей, сплоченных державной волей под скипетром русского царя. Переоценка имперского прошлого обрела отчетливый международный резонанс и, как показывают материалы выпуска, была настороженно воспринята европейским общественным мнением.

Негативный морально-политический фон в отношениях между Россией и Европой отразился, в свою очередь, на связях с ближайшими, «кровными» соседями. Прежде всего – с Укра-

---

[4] *См.: Гордон А.В. Создание образа имперской власти в России (Типическое и архетипическое) // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН.ИНИОН. Центр россиеведения; гл. ред. – Глебова И.И. – Вып. 4. – М., 2012. – С. 275–296.*

[5] *Стравинский И.Ф. Хроника. Поэтика. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – С. 227.*

иной, для которой вопрос цивилизационного самоопределения «Европа» или «не Европа» встал еще более остро, обернулся духовным и политическим расколом страны.

Думается, что вопреки пропаганде в отечественных СМИ подлинным антагонистом России в Украине выступает отнюдь не военная организация Североатлантического договора. Дорога к вступлению в НАТО Украине была заказана еще при Викторе Ющенко и Юлии Тимошенко именно потому, что большинство жителей страны были настроены против членства в этой организации (см. статью А.А. Зоткина). Напротив, европейская ориентация, установка на интеграцию с ЕС пользовалась популярностью в различных частях страны задолго до Майдана, и эта ориентация имела свои культурно-цивилизационные основания. Соответственно, и в Европе не могли не учитывать подобные настроения.

Избегая всестороннего осмысления конфронтации с Европой, часть российской элиты склонна тешить себя теориями заговора. Чтобы отрешиться от них, мы попытались разобраться в том, что является раздражителем в европейском общественном мнении при оценке политики России в украинском вопросе. Усилиями большей части российских СМИ, и федеральных каналов ТВ преимущественно, создается впечатление, что весь мир понимает правомерность действий России, а если и не понимает, то исключительно из-за давления США, которые навязывают Европе и всему миру фальсифицированную версию событий.

Как ни парадоксально, отстаивая многополярность современного мира, множество отечественных экспертов в области международной политики упорно видят на мировой арене лишь одного игрока – Соединенные Штаты Америки. Материалы нашего издания свидетельствуют, что в странах Европы существуют собственные мотивы озабоченности.

Проблема российского самоопределения в отношениях с европейской цивилизацией неожиданно обернулась вопросом переопределения государственных границ России в Европе. Заявления о нарушении территориальных интересов России при распаде СССР получили широкий резонанс в отечественных СМИ. Тревожный эффект был умножен рассуждениями специалистов в области геополитики относительно того, что в истории нет незыблемых границ, что определение границ – вопрос соотношения сил и т.п.

Самое болезненное наследие распада СССР – проблема русской диаспоры в бывших союзных республиках, которая была интерпретирована как основание для вмешательства с целью защиты русскоязычного населения. При этом культурно-цивилизационная категория Русского мира была истолкована как геополитический принцип, в рамках которого вмешательство становится не только правом, но и обязанностью России. Подобная риторика в сочетании с присоединением Крыма и широкой общественной мобилизацией в поддержку сепаратистских настроений на юге и востоке Украины обеспокоила политические круги Европы, дав повод усомниться в том, что российское руководство признает существующие границы.

Большую роль играет исторический фактор. Увы, сова Минервы сама решает, когда лететь, и имеет тяготение к сумеречным временам. Озабоченность происходящим на Украине сильнее выражена у соседей бывшей Российской империи и особенно у тех стран, которые входили в ее состав. Красноречиво сопоставление материалов по Чехии (автор – Ю.А. Щербакова) и Польше (автор – Л.С. Лыкошина). Безусловно, на берегах Вислы негативный фон преобладает значительно резче, чем на берегах Влтавы.

Если для Чехии подавление Пражской весны и оккупация страны войсками Варшавского договора в 1968 г. остается в исторической памяти народа трагическим эпизодом, воздействие которого на восприятие текущих событий выглядит все же ограниченным, то для Польши вся история отношений с Россией буквально кровоточит памятью о разделах территории страны и подавлении восстаний за независимое существование. И стоит ли спорить с историей, если, несмотря на кровавые перипетии отношений с Украиной, общественное мнение бывшей Речи Посполитой разделяет убеждение: «Суверенитет Украины – это безопасность Польши». Не из

этого ли вытекает жесткая внешнеполитическая линия польского руководства, заявляющего, что в современной Европе Польша – наиболее «проатлантически настроенная страна»?[6].

На западе Европы отношение к украинскому кризису выглядит более дистанцированным. Но и здесь немало болевых точек. Страна Басков и Каталония для Испании (см. статью Е.Г. Черкасовой), Корсика для Франции, Север и Венеция для Италии, Фландрия для Бельгии – все эти проблемные территории будоражат европейское общественное мнение, когда оно получает известия о подъеме сепаратизма на юго-востоке Украины, переросшем в гражданскую войну с участием российских добровольцев. Далеко не везде могут надеяться на мирное и демократическое решение проблем автономных образований по примеру Великобритании.

Особое напряжение вызывает проблема территориальной целостности Украины. В Европе сохраняется память об аншлюсах Третьего рейха и о капитулянтстве европейских лидеров (так называемая Мюнхенская сделка 1938 г.), когда мир – недолговечный – с нацистской Германией был куплен ценой согласия Франции и Великобритании на расчленение Чехословакии. Помнят об этом в самой Чехии, помнят и в ФРГ, где не ослабевает борьба с ревизией нацистского прошлого (статья Б.С. Орлова).

Во Франции, как показано в статье Н.Ю.Лапиной, в связи с политикой России в украинском вопросе происходит новое размежевание политических сил, приходящее на смену традиционному делению на «левых» и «правых». Парадоксальным во многих отношениях выглядит полное одобрение действий России на самом правом фланге политического спектра. Официальная позиция Российской Федерации подчеркивает стремление к искоренению проявлений фашизма и напоминает о зловещей роли, которую сыграли коллаборационисты в различных странах Европы. Эта позиция находит отклик у части французской общественности, осуждающей государственный переворот в Киеве и проявления национал-экстремизма на территории Украины. Национальный фронт далек от либеральных кругов. Его обращение к «традиционным христианским ценностям» – реминисценция идей «национальной революции» маршала Петена, и не случайно партия вызывает у французов ассоциацию с режимом Виши. Тем не менее в настоящее время популярность крайне правых растет, поскольку их риторика направлена против «засилия» мигрантов, укоренения ислама во Франции, а также против европейской интеграции.

Последнее требует пояснения. Франция – один из учредителей и оплотов Европейского союза. Вместе с тем политика форсированного расширения ЕС на восток не вызывает одобрения у значительной части французского общества. Украинский кризис стал для Франции, как и для других членов ЕС, катализатором противостояния глобалистов и антиглобалистов, европеистов и евроскептиков. Пятая республика переживает далеко не лучший период своей истории. Экономика страны находится в стагнации, растет безработица, молодые, талантливые и хорошо образованные французы уезжают за границу, в первую очередь в США. Общественные настроения отягощены «деклинизмом» (от французского déclin – упадок), представлениями о политической и моральной деградации страны и снижении ее статуса в Европе и мире. Многие связывают эти негативные явления с глобализаций, гегемоний США и европейской интеграцией. Усиливается антиамериканизм. Ширятся ряды «суверенистов», озабоченных ослаблением национального суверенитета в рамках Европейского союза, диктатом наднациональных органов, контролем бюрократии Брюсселя (во французском языке появился новый термин – «eurobureaucratie» – евробюрократия). Традиционалисты оплакивают утрату национальной идентичности. Все эти силы представляют среду для благожелательного восприятия России.

Позиция политических кругов и прессы европейских стран в отношении текущих событий во многом предопределена тем образом России, что складывался в последнее десятиле-

---

[6] *Sikorski R. Sur l'Ukraine, l'Europe fait moins que le minimum: Interview / Propos recueillis par J.-M. Demetz // Express. – P., 2014. – 21–27 mai. – N 3281. – P. 13–16.*

тие. Особенно это характерно для Великобритании (статьи Т.В. Черноморовой и Г.Н. Канинской). Британия – страна прецедентного права, и, видимо, поэтому большое значение здесь уделяется юридическим коллизиям, в которых преобладающая часть британского общества усматривает наглядное проявление негативных черт российского государственного порядка. «Дело Ходорковского» представляется примером нарушения законности и произвола органов власти, а «дело Литвиненко» используется для воскрешения памяти об активности советской разведки в годы холодной войны.

В материалах издания представлена позиция и тех кругов в европейских странах, которые хотели бы возврата к холодной войне. «Забудьте о “злом” Путине: мы сами – кровожадные разжигатели войны», – под таким заголовком британский журналист П. Хитченс опубликовал статью во влиятельной консервативной газете «Daily Mail»[7]. Автор пишет: у него складывается ощущение, что его окружают люди, которые хотят воевать. Он связывает это со сменой поколений: молодым война представляется развлечением, а те, кто помнит настоящую войну, уходят из жизни.

Но в целом можно говорить о явном нежелании европейской общественности, чтобы континент вновь погрузился в эру противостояния, при котором шаткое мирное сосуществование обеспечивается за счет взаимного устрашения. Для многих доброй вестью прозвучали слова канцлера ФРГ Ангелы Меркель, – а влияние Германии на позицию Европейского союза вряд ли можно недооценить – что она будет противодействовать образованию новых разделительных линий в Европе. Госпожу канцлера легко понять. Экономическая мощь ФРГ и ее возросшее влияние в Европе и мире основаны на развитии сотрудничества с Россией, начало которому было положено согласием советского руководства на объединение страны.

Позитивно было воспринято и посещение российской столицы президентом Франции Франсуа Олландом, который стал первым европейским лидером, нанесшим визит в Москву с начала украинских событий. Оптимистично прозвучали слова французского президента, что Франция и Россия должны вместе противодействовать «возведению новых стен».

Позиции Меркель и Олланда приобретают особое значение, поскольку именно ФРГ и Франция являются важнейшими европейскими партнерами России на переговорах по урегулированию украинского кризиса. В той или иной мере мотивы ФРГ и Франции разделяют в Италии и Испании, Норвегии и Финляндии, Чехии и Словакии. И даже в Великобритании, руководство которой критически относится к лидирующей роли Германии в Европейском союзе и к самому ЕС, не забывают о заинтересованности Сити в притоке капиталов из России.

Новый политический феномен – открытое и непосредственное вмешательство во внешнюю политику крупного капитала. Выступая за сохранение и развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества, европейское бизнес-сообщество, в первую очередь в таких странах, как Франция и Германия, у которых сложились тесные партнерские отношения с Россией, настроено против экономических санкций. В них европейские предприниматели видят очевидную угрозу для национальных экономик.

Консенсус в Европейском союзе в отношении государственного суверенитета и территориальной целостности Украины очевиден. На этом и основано введение санкций против банковского и других секторов российской экономики. Однако вопреки желаниям воинственно настроенных кругов Европы военной помощи Украине оказано не было.

Сколь долговременным может быть применение режима санкций? Мир стал глобальным, такова реальность. А это означает – и это тоже преобладающее в Европе мнение, – что, в отличие от времен холодной войны, изоляция страны с такими огромными природными ресурсами

---

[7] *Hitchens P. Forget «evil» Putin – we are the bloodthirsty warmongers // Daily Mail. – Dec. 21. – 2014. – Mode of access: http://www.dailymail.co/uk/debate/article/2882208/Peeter-Hitchens-forget-evil-Putin-bloodthirsty-warmongers (Дата посещения – 27.12.2014).*

и необъятным рынком, как Россия, наносит серьезный ущерб всей мировой экономике, и в первую очередь ее партнерам из ЕС.

Действуют и другие соображения. Часть политических и общественных деятелей, хорошо знающих недавнюю историю России и ее относительно отдаленное прошлое, опасаются, что изоляция страны может привести к нарастанию антидемократических тенденций. А реакционность во внутренней политике может отозваться, как они понимают, непредсказуемостью в политике внешней. Не только из-за симпатий к народу России, но и заботясь о благополучии своих стран, эта часть политических аналитиков выступает против международной изоляции России. Такая позиция находит заметную поддержку в европейском обществе. Еще жив в памяти страх перед вторжением советских танков, и освобождение от этого кошмара после крушения Берлинской стены высоко ценится в Европе.

За прошедшие два с лишним десятилетия миллионы россиян побывали в странах Европы, десятки тысяч соотечественников работают в Европе. Значение межличностных контактов тоже следует отнести к позитивным факторам. Прекращение человеческого общения на уровне повседневной реальности неизменно совпадало с периодами внешнеполитической напряженности и внутриполитической реакции и самым неблагоприятным образом отражалось на восприятии России в Европе.

Знаменательное и многообещающее обстоятельство: режим санкций не распространился на область культуры, и в частности на физическую культуру и спорт. Развитие спортивных связей продолжается в регулярном формате. После успешно проведенной Сочинской олимпиады спортсмены разных стран готовятся к чемпионату мира по футболу, который должен состояться в России в 2018 г.

Культура в самом широком смысле слова остается той сферой, которая отчетливо «маркирует» Россию как великую европейскую державу. Несмотря на подозрительность в отношении некоторых активистов движения «Крымнаш», не они определяют восприятие русской культуры в Европе. Культурный образ России складывался веками. Это тот золотой запас, который при всех режимах и перипетиях международных отношений оставался залогом сохранения цивилизационного родства России с другими странами Европы. К сожалению, и в культурной сфере наблюдаются тревожные тенденции. 2015 год должен был стать годом Польши в России. Однако польское правительство отменило официально запланированные мероприятия, что впрочем не помешало проведению других польско-российских встреч, включая юбилейную конференцию, посвященную 200-летию со дня рождения М.А. Бакунина во Вроцлаве.

Устремления авторов журнального выпуска направлены к тому, чтобы уйти от подсчета голосов «за» и «против». Выясняется, что далеко не все политические деятели, СМИ и представители экспертного сообщества в Европе придерживаются логики «баррикад». Негативному отношению к государственной политике России в украинском вопросе (действия в Крыму и на Донбассе) сопутствует надежда на развитие связей с Россией в долгосрочной перспективе. Откровенные и неисправимые «русофобы» остаются в меньшинстве. Чаще встречается нюансированная позиция, соединяющая все аспекты отношения к *Другому*.

Солидаризуясь с общим курсом ЕС, некоторые европейские политики (красноречивый пример – чешские лидеры) резко критикуют новые украинские власти. Аналитики и общественные деятели обращают внимание на культурно-историческую и экономическую неоднородность Украины, отмечают обоснованность опасений в Донбассе относительно игнорирования региональных интересов, скорбят об «одесской трагедии». Они с пониманием относятся к призывам российского руководства к федерализации Украинского государства и уважению прав русскоязычного населения на востоке страны.

Нередко «за» и «против» уживаются в позиции одних и тех же людей, как рельефно показано в статье Т.Г. Битковой. Подобная нюансированность побуждает не спешить с «окончательным диагнозом» в оценках стран, СМИ, политических и общественных деятелей. Не

подводя окончательного итога, более того, считая недопустимым превращать оценки сложившейся конъюнктуры в культурно-исторические закономерности, редакционная коллегия выражает надежду, что материалы этого выпуска, как и предшествовавшего ему тематического страноведческого сборника[8], будут способствовать лучшему пониманию в России отношения к нашей стране за рубежом.

Восприятие *Другого* всегда есть межкультурное взаимодействие, в нем неизбежно присутствуют две стороны, познающие друг друга и самих себя. Это творческий процесс, а не «перечень взаимных болей, бед и обид». В диалоге различных культур не опасно, утверждает классик современной французской социологии Ален Турен, когда стороны «с трудом понимают друг друга». Важно стремление к взаимопониманию, «стремление к дискуссии, открытости, обновлению»[9].

А.В. Гордон

[8] *Образ современной России во Франции: Опыт междисциплинарного анализа: Сб. статей / Отв. ред. Н.Ю. Лапина. – М., 2012. – 200 с.*

[9] *Цит. по: Филиппова Е.И. Французские тетради: Диалоги и переводы. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. – С. 3.*

Польская общественная мысль о России

Л.С. Лыкошина

Аннотация: *В статье рассматривается образ России в польской общественной мысли в историческом контексте. Привлекаются как научные исследования, так и публицистика. Прослеживается влияние международно-политической ситуации на формирование образа России в Польше.*

Abstract: *Russia's image in the Polish social thought in its historical context is investigated in the present article. Both researches and journalistic articles are analyzed. The influence of the political situation in Europe on the formation of the image of Russia in Poland is demonstrated.*

Ключевые слова: *Россия, Польша, стереотипы сознания, геополитические интересы, исторический контекст.*

Keywords: *Russia, Poland, the stereotypes of consciousness, geopolitical interests, historical context.*

Осмысление России польской общественной мыслью чаще всего связано с созданием образа чего-то чужого, враждебного и вместе с тем притягательного, заставляющего думать о себе. «Русские», «Россия» – для поляков это эмоционально окрашенные слова-символы. Польский философ Адам Шафф отмечал в свое время, что «характерный синдром поляков» связан с аллергией по отношению к России и русским (47, с. 56).

Негативный образ присутствует уже в первых письменных источниках, содержащих сведения об отношении поляков к русским землям и народу, их заселяющему: в польской хронике Анонима Галла (XII в.), в хронике Винцента Кадлубека (XII – начало XIII в.). Восточные соседи Польши предстают людьми дикими, необразованными, неблагородными, близкими к печенегам и половцам. В XVI в., по мысли В. Мочаловой, «концепт загадочного, варварского, полумифического восточного соседа, установившего у себя тираническую систему правления, был составной частью польской картины мира, как бы оттеняя гуманистические ценности шляхетского общества, контрастно подсвечивая национальный автопортрет» (6, с. 44).

Негативное отношение к России резко усилилось с конца XVIII в., с начала разделов (территории Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией). Национально-освободительные восстания XIX в. определили специфику отношения к России. Польский философ В. Ледницкий писал: «Дым 1831 г., а потом и 1863 г.[10] заставлял слезиться наши глаза и надолго лишил нас способности трезвого и реалистического видения России» (цит. по: 13, с. 211).

Особая роль в формировании представлений о России в польском общественном сознании принадлежит писателям и поэтам-романтикам (XIX в.), в произведениях которых мы находим немало из тех предубеждений и стереотипов, которые живы и по сей день. Романтизм – это эпоха, которая сформировала польскую идентичность и определила культурную «запрограммированность», в том числе и в сфере польско-российских отношений.

В романтизме на первом плане – идея народа, его миссии, предназначения. Польская национальная идентичность и самосознание складывались в противостоянии главному противнику – России как воплощению абсолютного зла. Реальные поражения компенсировались в общественной мысли представлениями об извечной борьбе добра (Польши) со злом (Россией). Поражения Польши воспринимались как наказание за грехи. Народ, терпевший поражения, мстил победителю, не признавая за ним не только никаких достоинств, но и просто нормального человеческого существования. В произведениях Адама Мицкевича Россия – огромная,

[10] *В эти годы в Польше произошли национально-освободительные восстания против Российской империи. – Прим. авт.*

неприветливая, промерзшая страна, где все подчинено воле царя-деспота. Народ покорен и пассивен. Тема холода, «замороженности» России повторяется и в произведениях других польских поэтов того времени – Ю. Словацкого, К. Норвида (10).

Романтизм в соответствии с самой сутью концепции разделял деспотов, угнетателей и порабощенный, страдающий народ. Но если классик романтизма Адам Мицкевич иногда жалел «братьев-славян», то многие польские мыслители отказывали России в праве причислять себя к славянским народам. После восстания 1830–1831 гг. один из активных участников его М. Мохнацкий называл Россию страной азиатской, а русских – азиатами. Там на бескрайних и диких азиатских просторах и должна, по мысли Мохнацкого, Россия обрести свое истинное место, в чем ей призвана помочь Европа, которая в отличие от Польши недостаточно четко осознает опасность, исходящую с Востока (39, с. 116).

В середине XIX в. на смену характерному для романтизма отношению к России в категориях духовных, религиозных, цивилизационных приходит восприятие ее в категориях биологических, расовых, геополитических (13, с. 278). Польский этнограф и историк Ф. Духиньский идентифицировал Россию с туранским племенем, заселявшим некогда азиатские степи, а затем прорвавшимся в Европу. Духиньский считал, что русские – это уральские, алтайские, угрофинские племена, лишь после XII в. отчасти славянизированные киевскими князьями. Идея «туранской цивилизации», к которой якобы принадлежит Россия, стала в Польше XIX в. весьма популярной и благополучно перекочевала в XX в.

В Польской республике (1918–1939) отношение к советской России не стало более благожелательным. Одним из наиболее значимых и интересных исследователей, писавших о России в межвоенный период, был М. Здзеховский (1861–1938) – философ, историк культуры, профессор Краковского, а затем Виленского университетов, знаток русской литературы и философии, основатель Славянского клуба в Кракове и журнала «Славянский мир». Он учился в России, был лично знаком со многими представителями российской интеллигенции, публиковал свои статьи в российской периодике, был лидером галицийских славянофилов. Здзеховский относился к России эмоционально и неравнодушно, а в начальный период своего творчества вполне благожелательно. Но со временем Россия становится для него воплощением угрозы. Предостерегая поляков от российского влияния (отнюдь не внешнего, политического, а гораздо более опасного – духовного), Здзеховский самой значимой, определяющей чертой русской души считал максимализм, размах которого очаровывал Польшу. «Максимализм каждый вопрос сводит к дилемме: либо все, либо ничего. Отсюда, – писал Здзеховский, – в сфере морали – абсолютное совершенство, в сфере социальной – абсолютное счастье рая на земле, который каждому человеку обеспечит возможность широко пользоваться всеми благами жизни; наконец, в сфере политической – универсализм абсолютного господства над миром. Но так как достижение абсолюта невозможно в этом мире, максимум естественно перерастает в отрицание действительности, в слепое и жестокое в своей решительности разрушение во всех сферах морали, социальной и государственной жизни» (64, с. 152).

В межвоенной Польше российской проблематикой занимались многие крупные историки, но вряд ли кто-то может сравниться по степени влияния на формирование исторического сознания с Я. Кухажевским (1876–1952), политическим деятелем, историком и публицистом. Его семитомное сочинение «От белого до красного царизма», изданное в 1923–1935 гг., было известно всем образованным полякам того времени. Примечательно, что сочинения Кухажевского неоднократно переиздавались и в 90-е годы XX в.

Главная идея Кухажевского – преемственность самодержавия и большевизма, перерастание славянофильского мессианства в коммунистическое. По мнению Кухажевского, в России добро переходит в зло. Он усматривает в России «историческое недоразумение, огромную мистификацию» с народом без образования и культуры, без чувства закона, без уважения к женщине, даже без привязанности к своему углу и деревне. «Русские – это народ чрезвычайно

легко оставляющий отцовское гнездо и уходящий туда, где, возможно, лучше жить, пребывающий в переходном состоянии между кочевым и оседлым образом жизни, ненавидящий государство как воплощение вечного насилия» (30, с. 343).

Самое страшное, что весь народ – от просвещенных верхов до низов – проникнут одной низменной страстью – жаждой захвата чужого. Именно захвата чужого, а не сохранения своего. Религия неспособна облагородить русский народ, ибо православие – не подлинное христианство. До Золотой Орды христианство не успело утвердиться, а после, хотя и строились на Руси многочисленные церкви, соблюдались строгие посты и отбивались поклоны, русские оставались во власти обряда, а не духа христианства. Между тем при «обособленности и темноте возобладала идея, что только на русско-московских землях сохранилась истинная вера» (30, с. 347). Представление об избранности переходит из религиозной сферы в политическую, порождая национализм и ксенофобию. Русские считают себя носителями высшей правды и полагают, что другие народы должны им подчиниться. Эта идея, по Кухажевскому, происходит от монаха Филофея (с его концепцией «Третьего Рима») и Достоевского.

Важное место в польской общественной и исторической мысли межвоенного периода занимают работы профессора Виленского университета Феликса Конечного (1862–1949). Будучи сторонником цивилизационного подхода, Конечный выделял семь главных цивилизаций в истории человечества: еврейскую, браминскую, туранскую, латинскую, византийскую, китайскую и арабскую. Сам ученый был апологетом латинской цивилизации, выступая при этом противником цивилизационного синтеза. Категорически не приемля предназначение Польши служить мостом между Западом и Востоком, Конечный писал: «Что же касается очевидной ныне в Польше цивилизационной мешанины, то она, по-моему, является свидетельством упадка цивилизации. Цивилизация может быть чистой или не быть вообще. Нельзя принадлежать к двум цивилизациям. Польша пала потому, что в поисках синтеза Запада и Востока превратилась в цивилизационную карикатуру» (28, с. 236).

По мысли Конечного, страна поддалась влиянию туранской цивилизации, которая постепенно разрушила, подорвала силу цивилизации латинской. Тлетворное влияние Востока привело к гибели Польши. Это влияние было не всегда явным. Происходила скрытая «русификация интеллекта». Такие русские писатели, как Толстой и Достоевский, нарушали строй польской души. «Именно на рубеже XIX и XX вв. в Польше стал появляться новый тип: поляка с горячим польским сердцем, готового на жертвы, даже на мученичество ради Польши, но обладающего русифицированным мозгом. В польской литературе можно найти очень известные имена авторов, которые восприняли от русских не только литературный стиль, но распространяли русские “настроения”, а подчас и откровенно русские представления о частной и общественной жизни, ненавидя Россию всей душой! Пропитанные русским мышлением, они старались применить его методы во имя польского дела. Результат, конечно же, был противоположен намерениям» (28, с. 237).

В межвоенный период в Польше попытки осмыслить революционные события 1917 г. предпринимали ученые, работавшие в Люблинском католическом университете, А. Шиманьский, Е. Пастушка, И. Чума, Е. Урбан. Чума усматривал истоки большевизма в разрыве цивилизационно-культурных связей России и Запада. Разрыв отрезал Россию от достижений западноевропейской науки, общественной и религиозной мысли. «Религиозный русский человек анормативен, аформален, склонен к мистицизму, но не в понимании западной церкви, а скорее в понимании восточном. Он умеет верить, но не может определить свою жизненную позицию. Изоляция Москвы от средневекового Запада привела к превращению России в оплот ритуала, причем огромные религиозные силы русского народа остались ниже уровня умственного развития эпохи» (16, с. 20). Естественно, что в католической стране, каковой являлась Польша, особое внимание уделялось проблеме преследования религии в СССР, атеистической пропаганде. Варварское разрушение храмов, гонения на верующих, расправа с духовенством нередко

становились сюжетами публикаций в польской прессе, не прибавляя симпатий в отношении восточного соседа (48, с. 177).

Оценивая большевизм как кровавый хаос, польские публицисты того периода истоки его усматривали в истории России, в периоде татаро-монгольского нашествия. Критика большевиков особенно усилилась после обретения Польшей независимости в связи с соперничеством за территории Украины и Белоруссии. В прессе, особенно эндецкой[11], активно муссировалась тема еврейского происхождения лидеров большевиков. Тем более что во Временном революционном комитете в Белостоке, созданном по инициативе Москвы, преобладали евреи. Католическая печать также подчеркивала засилие евреев в Русской революции и видела в этом пагубные последствия и для Польши, и для Европы.

Красноармейцы изображались дикими, полуазиатскими ордами (именно азиатские черты придавали польские художники большевикам в своих карикатурах) вечно голодных насильников и грабителей. Польские солдаты выглядели элегантно одетыми рыцарями, исполненными благородства и достоинства, красноармейцы – плохо одетыми, босыми, небритыми. Именно в эти первые послереволюционные годы в сознании многих поляков утвердился образ большевика, который, как утверждает Х. Лисяк «просуществовал много лет, а среди старшего поколения поляков сохранился и по сей день» (34, с. 387).

Вместе с тем вследствие сближения СССР и Польши в 30-е годы, приведшем к заключению договора о ненападении в 1932 г., более благожелательным становился тон польской прессы. В Польшу приезжали делегации советских ученых, СССР посещали польские военные. Поляки присутствовали на военном параде в честь 7 ноября 1933 г. на Красной площади, польская делегация была приглашена на банкет, устроенный маршалом Тухачевским. Рос интерес к культуре СССР, советскому кинематографу (48, с. 180–181).

После сентября 1939 г. реанимируется образ русского солдата: это вновь дикий варвар, чуждый истинной цивилизации. Годы Второй мировой войны не способствовали улучшению этого образа. Антироссийские настроения усиливались в связи с проблемой Катыни, воспринимаемой в польском обществе как преступление советского режима.

После Второй мировой войны, вплоть до 1980-х годов, образ России в польской общественной мысли вписывался в схемы, утвержденные в СССР. Сложные моменты в польско-российских отношениях, «белые пятна» в истории обходились, замалчивались (во всяком случае, в официальных изданиях).

Систему образования в ПНР пытались организовать в соответствии с советским образцом. Подготовка учебников по истории велась либо под контролем советских специалистов, либо при их непосредственном участии. В 1949 г. министр просвещения С. Скжешевский выступал с просьбой срочного перевода на польский язык учебников, изданных в СССР (48, с. 184). Польские историки немало усилий прилагали для создания позитивного образа СССР в глазах поляков, признав в начале 1950-х годов марксизм-ленинизм в качестве господствующей идеологической платформы исторических исследований. В ходе совместной работы с советскими историками формировался соответствующий политическим задачам времени образ восточного соседа.

Конечно, лучшим способом избежать оценки сложных моментов польско-российских отношений был способ умолчания. А если что-то и говорилось, то в духе официальной концепции. После 1956 г. веяния оттепели коснулись и истории, но к 1970-м годам эти тенденции сошли на нет. В средней школе часы преподавания истории были сокращены, а из программ средних специальных учебных заведений история исчезла вообще (37, с. 16–18).

---

[11] *Эндеция – Национально-демократическая партия, возглавляемая Р. Дмовским, отличалась националистическими и антисемитскими взглядами. Дмовский был депутатом Государственной Думы (1907). В его высказываниях о России можно обнаружить как весьма критическое отношение к России и русским, так и стремление обосновать мысль о том, что Россия может стать опорой в обретении Польшей независимости. – Прим. авт.*

В учебниках 1970-х годов, написанных известными польскими историками, история России излагается вполне в духе официальной советской историографии. Как замечает Т. Мареш, «в учебниках трудно найти что-либо такое, к чему могла бы выразить претензии Россия. Это было обусловлено политическими причинами. Только по отношению к царской России, царским генералам, ограничивающим национальную независимость поляков, авторы решались на критические замечания» (36, с. 188).

Гораздо более свободной в выражении своего отношения к России вообще и к России советской в особенности была польская общественная мысль в эмиграции. В эмигрантской публицистике (независимо от политической ориентации) господствовало убеждение в преемственности царской России и СССР (теория континуитета). Соответственно, польско-советские отношения рассматривались как продолжение польско-российских со всеми их проблемами и осложнениями. Советская политика по отношению к Польше расценивалась как агрессивная, основанная на насилии, территориальной экспансии, неуважении к польскому суверенитету (17, с. 244).

Подтверждение этой мысли усматривалось в событиях 17 сентября 1939 г., катынском расстреле, преследовании солдат и офицеров Армии Крайовой после окончания войны. Польские эмигрантские издания неоднократно высказывали идеи о том, что корни советского режима следует искать в российских традициях. Так, один из авторов «Белого орла» (в 1947 г.) замечал, что «большевизм по сути – российское явление и потому он так легко утвердился в России». Ю. Понятовский на страницах «Польского ежедневника» (в 1956 г.) утверждал, что советский строй и советское мировоззрение – это ипостась имперского менталитета, В. Збышевский в «Культуре» (в 1955 г.) всю ответственность за большевизм возлагал на русский народ (цит. по: 55, с. 110).

В редакционной статье, опубликованной в издающемся в Нью-Йорке «Тыгоднике польском» (в 1945 г.), говорилось, что «Советская Россия не только является детищем Ивана Грозного, Екатерины и Суворова, но и гордится этим. Сталинизм – это вовсе не коммунизм, а порождение азиатчины, пожравшее тело социальной революции. Это красный фашизм, красный нацизм, опаснейшая, самая темная, милитаристская форма русского империализма» (цит. по: 55, с. 111).

Но в 1980-е годы ситуация изменилась. В польской публицистике и научной печати все чаще стали говорить о кризисе исторической науки, о «вторичной исторической неграмотности», порождаемой школой. Молодежь, да и общество в целом перестали верить официальной версии истории. Прежде всего речь шла о польско-российских и польско-советских отношениях. Война 1920 г., действия Армии Крайовой, Катынь, Варшавское восстание – все эти «белые пятна» волновали общество, искавшее правду не в учебниках и официальных изданиях, а в продукции подпольных издательств «Нова», «Кронг», «Ритм» и целого ряда других. Поток информации (как и прежде, не всегда объективной, но с совершенно противоположным прежнему содержанием) через многочисленные подпольные журналы, кассеты, радиопередачи хлынул на польское общество. СССР рассматривался как страна, оккупировавшая Польшу. Сталин – как тиран, подчинивший своей власти Центральную и Восточную Европу, Россия и СССР – как извечные угнетатели Польши. А главное – в русской истории и культуре не усматривалось ничего ценного.

Позитивный образ СССР, на создание которого годами были направлены усилия официальной науки и пропаганды, не прижился в польском обществе. Неприязнь к русским, по мнению польского историка Я. Стефаняка, «осталась глубоко укорененной, особенно среди старшего поколения» (53, с. 196).

В польских учебниках истории, появившихся после 1989 г., акцентировалась ответственность СССР за развязывание Второй мировой войны, Катынь, Варшавское восстание, преследования поляков со стороны советских органов безопасности. В некоторых научных трудах, и

особенно в публицистике, муссировалась идея, что коммунизм нисколько не лучше фашизма. Под сомнение ставился тезис об освободительной роли Красной армии во Второй мировой войне. Сомнению подвергался тезис о решающей роли Октябрьской революции в обретении Польшей независимости (14). В целом правомерно говорить о том, что в школах в сознание учеников внедряется в общем негативный образ русских и России.

Прочитать о России что-то написанное в положительном ключе очень непросто в силу того, что таких авторов в Польше немного. Прежде всего следует назвать А. Валицкого, авторитетного исследователя российской общественной мысли, для которого русская интеллектуальная традиция – часть европейской. Он отрицает постулат «ненормальности» России. Валицкий возлагал на себя миссию раскрыть истинную ценность русской мысли, вернуть понимание этой ценности полякам и самим русским, утратившим его в советское время. «Я хотел бы, – пишет Валицкий Ч. Милошу, – посмотреть на русскую мысль с точки зрения общих у нас с русскими испытаний – они не могут этого сделать, а я могу… За действительное духовное возрождение России я готов поплатиться “внутренней русификацией всех поляков”. Те, кто поворачивается спиной к России вместо того, чтобы повернуться к ней лицом, вовсе не националисты – это абстрактные ”западники“, с пренебрежением относящиеся к родному “захолустью“» (3, с. 84).

Философ не соглашался с утверждениями Ю. Мерошевского: «Русских ненавидят в Польше больше, чем англичан в Индии или французов в Алжире. Ненавидят их одинаково католики и коммунисты, крестьяне и рабочие, интеллигенция – словом все. Эта ненависть безгранична, никакие слова не дают представления о ней» (цит. по: 3, с. 82). Валицкий же утверждал: «Мы не должны ненавидеть русских, больше всего страданий они причинили себе сами из иррациональной веры, что из этих страданий вырастет нечто великое для всего мира» (3, с. 82). Из общего хора выбивается также голос историка Б. Зентары, расценивавшего традиции Великого Новгорода и земских соборов как стремление к защите прав личности и ограничению самодержавия (65).

Холодной, варварской, грубой и неприветливой, как в средневековых польских хрониках, виделась Россия известнейшему польскому публицисту (недавно скончавшемуся) Р. Капусциньскому. Его знают и читают в Польше, его произведения входят в обязательную школьную программу. Он родился и провел детство в Полесье, на территории нынешней Беларуси. Его первые впечатления о советском строе – аресты, голод, бессмысленная пальба красноармейцев по костелу.

На протяжении жизни Капусциньский не раз путешествовал по СССР. Он увлекается и восхищается многим из увиденного в Грузии, в Азербайджане, в Средней Азии. Но в самой России он видит лишь холод, колючую проволоку, лагеря, неприветливых, грубых людей. Пространства России угнетают его, ассоциируются со смертью, они слишком бескрайни для человека, таят в себе небытие, уничтожение, они отнимают все силы, от величия пространства захватывает дух и дышать человек не может.

Русского/советского человека, по Капусциньскому, давит не только пространство, но и деспотическая власть. «Царь считался Богом в полном смысле слова. В течение столетий, на протяжении всей истории России. Только в XIX в. был издан царский указ о том, чтобы из церквей убрать портреты царя… Если цари – наместники Бога, то Ленин и Сталин – наместники мирового коммунизма…» (23, с. 91). И народ это приемлет, он носитель «цивилизации, которая не задает вопросов.., цивилизации остановившейся, парализованной, неподвижной» (23, с. 151).

Этим людям многого не надо: «начальство лучше знает». Суть же русской философии жизни, как полагает Капусциньский, лучше всего выразила сибирячка, обитающая в убогом, грязном домишке на окраине Иркутска и ответившая на вопрос о том, как она живет, такими словами: «Как живем..? Дышим» (23, с. 189). Только демократические перемены позволили жителям империи не просто дышать, но и жить. Однако самой советской империи не стало. Но

остались в силе геополитические параметры бытия России. Как отмечает польская исследовательница А. Брыц, между национальной идентичностью и геополитикой прослеживается несомненная взаимосвязь. Она проявляется и в российском «территориоцентризме» и имперской традиции, и в польском «территориальном детерминизме» и ощущении «двойной угрозы» или в сентиментальном отношении к периоду Ягеллонов. Эти черты, присущие России и Польше в прошлом, не исчезли и сейчас. «Польский национальный характер также формировался под влиянием геополитических факторов, специфически понимаемого пространства, претензий на особую роль в регионе. В формировании "польскости" романтизм одержал победу над позитивизмом» (12, с. 28). У россиян величие воспринимается именно через призму территории, и в отличие от представлений поляков, не имеет негативных коннотаций.

Обеим странам не чужд инструментальный подход к своим соседям, в частности к Украине. Для России последняя является частью истории великой империи, для Польши – частью истории I Речи Посполитой. Польша и Россия соревнуются между собой за сферы влияния, отличаясь только риторикой.

А. Влодковска-Баган, размышляя о природе конфликтности в польско-российских отношениях и оценивая таковую как «геополитический стигмат», отмечает, что «конфликтность» вовсе не равнозначна конфликтам, как некоему действу с применением силы, хотя конфликтность содержит в себе элементы недоверия, враждебности, соперничества. Именно такой, конфликтный характер носят польско-российские отношения на протяжении веков, являясь следствием геополитики. И в настоящее время отношения двух стран не лишены конфликтности, хотя и не являются враждебными. Автор полагает, что Польшу можно расценивать как демократическое государство, тогда как Россию – нет. Это обстоятельство влияет на характер двусторонних отношений. Польша является поборником демократии и пытается поддержать демократические ценности в постсоветских государствах, прежде всего в Украине и Беларуси, а Россия стремится сохранить в этих странах собственное влияние. Но соперничество не означает вражду, и отнюдь не исключает сотрудничества.

Конфликтность, имманентно присущая российско-польским отношениям, в разные исторические эпохи имеет разные формы. «Российское государство является наследником как Российской империи, так и СССР. РФ – его правопреемница. В свою очередь III Речь Посполитая – наследница польской государственности ушедших веков. Можно даже утверждать, что и объект соперничества в принципе остается тем же – борьба за влияние на общих соседей России и Польши» (62, с. 64).

Перемены, происшедшие в России и Польше в конце XX – начале XXI в., способствовали активизации польской общественной мысли в ее попытках осознания роли России в судьбах Польши. В этот период появился большой массив публикаций, посвященных России, как в научной литературе, так и в публицистике. Анализ этих публикаций свидетельствует о том, что в польской общественной мысли непросто идет процесс переосмысления облика России. Достаточно сильны опасения, что демократизация в России поверхностна и непоследовательна, а без демократии Россия – это тот же СССР или империя Романовых. Вместе с тем ряд авторов решительно выступают против отождествления России прежней и нынешней, усматривая в подобном отождествлении влияние исторически сложившихся стереотипов и предубеждений.

Вслед за польским исследователем А. Поморским представляется уместным отметить, что эта тема в польской литературе чаще всего рассматривается в контексте стереотипов о России и русских. Это настораживает, ибо «обращение к категории стереотипа… имеет характер стереотипа» (42, с. 13). Часто употребляемые термины «исторический опыт поляков», «Восток», «Запад» сами по себе носят характер стереотипов и не несут в себе реального и конкретного содержания. Как полагает профессор А. Белень, специалист по проблемам России и российско-польских отношений, русофобия в Польше – явление распространенное. В

исторической памяти поляков укоренено представление о России как государстве репрессивном и агрессивном, враждебном. Для многих поляков русофобия превратилась в своеобразную «политическую карму», без которой они не мыслят своего существования в общественной жизни (11). По мнению Э. Левандовского (социолога, работающего в Лодзинском университете), Россия и русские заслуживают глубокого социологического и историко-философского осмысления. Прежде всего потому, что Россия – это не просто страна, а целый континент, обладающий огромными материальными и человеческими ресурсами. «Россия не принадлежала и не принадлежит Западу. Она разорвана между Западом и Востоком» (33, с. 186).

Из сформулированных С. Хантингтоном восьми черт западной цивилизации (наследие античности, католицизм и протестантизм, языковая множественность, отделение церкви от государства, главенство закона, плюрализм, наличие представительских органов, индивидуализм) для России характерно только присутствие наследия классической древности, но и его страна получила не из Рима, а из Константинополя. Уникальность западноевропейской культуры и цивилизации, однако, не означает универсальности: иные цивилизации обладают собственными ценностями и традициями, вполне сочетаемыми с требованиями технического и экономического прогресса.

Более того, полагает Левандовский, некоторые советские концепции могут быть применимы в современном мире с большим успехом, чем это удалось сделать в СССР. В качестве примера ученый приводит Японию, где используются централизованное планирование и в известном смысле «тоталитарная» система воспитания. «Таким образом, не исключено, что некоторые коммунистические идеи, которые не оправдали себя в России, будут более успешно реализованы в иной стране. Ведь необязательно марксизм должен легитимировать тоталитаризм» (33, с. 186).

История доказывает, что русский народ непредсказуем и нетерпелив. Подобно Дмитрию Карамазову, он хотел бы сразу быстро уничтожить зло и осчастливить человечество. Этот герой Достоевского был способен к любым крайностям, он вел себя как типичный русский и являет собой неразрешимую загадку российского сфинкса. Все же российскому сфинксу следовало бы иметь голову русской женщины. Лучше всего Настасьи Филипповны или Аглаи Епанчиной из «Идиота», но, возможно, и Катерины из «Братьев Карамазовых» или Лизы из «Бесов», или Ахмаковой из «Подростка», или Дуни из «Преступления и наказания». Реальным же прототипом всех этих женских персонажей была Аполлинария Суслова, воплощавшая в себе, по Достоевскому, черты типичной русской женщины. Искать же истоки следует за Уралом. Именно там 80% территории представляют собой вечную мерзлоту, которую русский ученый М. Самгин в 1927 г. и отождествлял с «российским сфинксом» (33 с. 189).

Русский человек, по мысли Левандовского, сочетает в себе противоречивые черты и быстро меняет настроение. В отличие от мужественных немцев и англичан, русские (а также и поляки) имеют женские черты. Но в отличие от поляков, наполовину сирот (без отца), русские имеют матушку-Россию и батюшку-царя. Польский католицизм и русское православие основаны на признании высших неземных ценностей более значимых, чем ценности «мира сего». Это в известной мере обусловливает сходство обоих народов и вместе с тем их отличие от народов протестантских.

Отношение поляков к России весьма ощутимо «отягощено» историей. Именно исторические стереотипы являются определяющим фактором. Каждый восьмой поляк отождествляет Россию с коммунизмом, СССР, тоталитаризмом и социализмом. Две трети поляков полагают, что в истории польско-российских отношений больше негативных, чем позитивных моментов. Причем жители деревень чаще отмечают позитивные моменты, чем жители городов, а молодежь (18–24 года) чаще настаивает на преобладании негативных моментов (49, с. 50). Как показывают исследования последних лет, больше половины поляков считают, что Россия должна ощущать чувство вины по отношению к Польше в связи с событиями Второй мировой войны,

Катынью, а также социалистическим периодом, когда Польша зависела от СССР. Более 80% поляков уверены, что Польша, напротив, не должна иметь чувства вины по отношению к России в связи с историческим прошлым (27, с. 142; 49, с. 50).

Бесспорно, что общественное сознание во многом определяется СМИ. Нельзя сказать, что о России мало пишут в Польше. По количеству информации Россию опережает только Германия. Вместе с тем информация носит случайный, в некотором смысле «сенсационный» характер. Отношения России и Польши воспринимаются как отношения между государствами, а не между людьми. «Политизированность» отношений проявляется и в том, кого поляки называют наиболее известными россиянами. Чаще всего это Горбачев, Путин, Ленин, несколько реже – Сталин, Ельцин. Менее популярны имена, связанные с миром культуры. Однако 40% поляков знают хотя бы одно имя носителя русской культуры. Чаще всего это Пушкин, Толстой, Достоевский, Булгаков, Чехов, Чайковский, Высоцкий. В целом русская культура XIX – начала XX в. неплохо известна в Польше. Достаточно сказать, что «Мастер и Маргарита» была относительно недавно признана в Польше лучшей книгой, написанной в XX в. (27, с. 142).

В развитии польско-российских отношений современные поляки важное место отводят экономическому фактору. Больше половины респондентов во взаимовыгодной торговле усматривают главный способ налаживания хороших отношений. Только каждый пятый поляк уповает на общее происхождение и культурную близость (49, с. 53).

В общении с русскими поляки часто используют несколько поучающий, менторский тон, нередко представляя Польшу мостом между Востоком и Западом. Однако, как отмечает И. Конечна (Варшавский университет), «в своем ощущении цивилизационной миссии мы должны следить за тем, чтобы не стать тем мостом, по которому никто не захочет ехать, ибо все уже давно пользуются самолетом» (27, с. 143).

В польских СМИ преобладает информация чисто политического свойства, а о культуре и повседневной жизни в России говорится немного. Либеральная пресса – «Газета выборча», «Жечь Посполита», «Политика», «Впрост» и ряд других изданий – достаточно часто затрагивает российскую проблематику. Россия на страницах этих изданий – государство, переживающее кризис, страдающее имперским комплексом, национализмом и ксенофобией, но обладающее огромными потенциалом для развития. Высказывается озабоченность ростом авторитарных тенденций в российской политике. Как ключевая фигура антидемократических процессов в стране рассматривается президент В.В. Путин. С одной стороны, его оценивают как прагматика, человека «сильной руки», который консолидировал российское общество, а с другой – как «кандидата на просвещенного автократа» или еще резче как «фашиста», «современного Сталина», «душителя свобод». Этот образ российского лидера приобрел едва ли не демонические черты в связи с событиями на Украине. Наряду с однозначным осуждением российского лидера как воплощения неизбывной агрессивности России имеют место и попытки объяснения природы его власти. Так, А. Белень полагает, что сильная власть в России основана на многовековой патримониальной и авторитарной традиции, обусловлена территориальным фактором, огромными размерами государства, которым невозможно управлять без наличия сильной власти (11).

«Трибуна», «Пшеглёнд», «Дзись», популярные среди посткоммунистических левых, в своей трактовке российской проблематики мало отличаются от либеральной прессы. Возможно, как полагает М. Жаковска, левые издания несколько больше, чем либеральные, полемизируют с негативным образом России, настаивая на необходимости выстраивания рациональных и прагматических отношений с восточным соседом. Интерес вызывают статьи (на страницах «Пшеглёнд») Валицкого, который решительно выступает в защиту политики Путина, расценивая ее не как стремление к авторитаризму, а как попытку исправить ошибки Ельцина, вывести страну из депрессии и кризиса. Валицкий решительно отвергает миф о

«хороших олигархах» и «злом Путине», считая, что борьба с олигархами связана со стремлением вернуть государству контроль над ресурсами страны (63, с. 370).

В польской прессе правого толка («Наш дзенник», связанный с радио «Мария», «Мысль польска» – еженедельник эндецкого направления, «Наша Польска», декларирующая себя независимым изданием, «Глос» – католический ежедневник, «Найвисши час» – консервативно-либеральный еженедельник и выходящий раз в два месяца «Аркана») представлен негативный образ России (63, с. 360). Это государство авторитарное и варварское, являющееся продолжателем традиций царской России и СССР, где власть захватили евреи. Известным исключением является «Мысль польска», на страницах которой время от времени появляются статьи о желательности для Польши сотрудничества с восточным соседом, налаживания с ним нормальных отношений.

Характеризуя знания современных поляков о России и образ последней в общественном сознании, известный польский публицист Б. Цивиньский пишет: «То, что мы знаем о России последнего десятилетия, выглядит своеобразной черной дырой. В темной мгле выделяются какие-то фрагменты действительности, какие-то образы, может действительно важные, а может, просто марионетки, выдвинутые для достижений чьих-то политических целей. Просматриваются какие-то мифологические образы… Был шокирующий Ельцин, есть скользкий Путин, есть более, чем когда бы то ни было, богатая, неправдоподобно космополитическая Москва, есть преступления в Чечне» (15, с. 3).

Современным полякам непросто получить информацию о жизни в современной России: российские газеты дороги, фильмы о России появляются на экране только глубокой ночью. Специфика представлений о России в польской общественной мысли особенно ярко проявляется в моменты обострения политической ситуации. Так было в 2008 г. во время конфликта в Грузии или в 2014 г. в связи с кризисом в Украине.

События 2008 г. вызвали в Варшаве быструю и весьма энергичную реакцию. Президент Лех Качиньский незамедлительно вылетел в Тбилиси вместе с президентами Латвии, Эстонии, Литвы и Украины. В Тбилиси представительная делегация прибыла уже после полуночи 13 августа 2008 г. На митинге, участники которого восторженно приветствовали прилетевшую делегацию, Качиньский произнес пламенную речь, заявив о готовности Польши к борьбе со страной, которая показала свое лицо, хорошо известное полякам. Россия всегда стремилась подчинять себе соседние государства и решила, что времена империи возвращаются. Вслед за Грузией может наступить очередь Украины, потом государств Балтии, а впоследствии, возможно, и Польши. Этого допустить нельзя. Поэтому-то президенты пяти государств и поспешили выразить Грузии свою солидарность.

Пылкая речь Качиньского была встречена в Польше по меньшей мере неоднозначно. В прессе писали и о «звездной ночи» Качиньского, имея в виду ночь с 12 на 13 сентября, когда польский президент выступил на митинге в Тбилиси, и о неоправданных, а то и смешных претензиях на роль арбитра в споре, решение которого явно не под силу Польше. Министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский, сопровождавший президента в его поездке, отметил, что выступление польского лидера было его самостоятельной инициативой и отнюдь не является официальной позицией Польши. Без особого энтузиазма отнесся к заявлениям Качиньского и премьер-министр Дональд Туск, заметив, что Качиньский произнес в Тбилиси «несколько лишних слов». Польша же, как полагает премьер, не должна быть той страной, которая имеет «самые плохие отношения с Россией из всех стран – членов ЕС», и претендовать на роль «миссионера любой ценой» (9). Правда, по инициативе польской стороны и того же Туска было созвано экстренное совещание представителей стран – членов ЕС, посвященное российско-грузинскому конфликту.

Главный редактор влиятельной «Газеты Выборчей» Адам Михник, относящий себя к числу «польских антисоветских русофилов», посетив несколько раз Грузию, стал решительным

грузинофилом. Позиция Михника достаточно типична для многих представителей польского политического класса. Истоки событий, как полагает «антисоветский русофил», следует искать в специфике политических процессов, происходящих в России в последнее время. С началом перестройки казалось, что Россия движется в направлении либеральной демократии. Но расстрел Белого дома, чеченская война, а впоследствии фактическое устранение оппозиции, преследование независимых СМИ, ликвидация свободного рынка, антизападная, в частности антиамериканская, истерия, фальсификация истории – все это звенья одной цепи. Отдельные события этого ряда превратились в политический курс с момента прихода Путина к власти. Отношение Михника к Путину изменилось после ареста Ходорковского, процесс против которого был реализован в «поистине латиноамериканском духе». Преследование олигархов явилось «одним из элементов демонтажа демократии в России». «Атака России против Грузии» стала «серьезным поражением российской демократии». Но это не потеря Россией лица. Россия показала миру именно такое лицо, которое хотела показать. «И в этом смысле это успех России» (38, с. 23). Россия, полагает Михник, не обречена генетически на деспотию, но она попала в ловушку имперского мышления и имперской политики.

Об опасности имперской или неоимперской политики России, о ее неприглядном «истинном лице», которое открылось в тот момент, когда «демократическая маска» упала, говорилось в статьях многих польских публицистов и политологов, появившихся в печати в связи с событиями на Кавказе. Так, известный польский политолог А. Смоляр полагает, что между Россией и Западом – глубокая пропасть. «Россия может быть партнером в переговорах об энергоносителях, в борьбе с терроризмом и распространением оружия массового поражения, диалогах об Иране, Северной Корее, исламском радикализме. Но она не является и не может быть партнером для переговоров о мировом порядке» (52, с. 20). Развивая эту мысль, публицист «Жечи Посполитой» М. Магеровский констатировал, что Россия не может рассчитывать на благосклонность Запада и рассматриваться как стратегический международный партнер. Она ни с кем не считается, не соблюдает демократические ценности и вдобавок бомбит своих соседей. Такая страна представляет реальную опасность для цивилизованного мира (35, с. 13).

Смоляр, разделяющий характерную для польской общественной мысли позицию о невозможности особого пути развития России, полагает, что сейчас, как, впрочем, и всегда, она стоит перед выбором: или окончательная интеграция с Западом, или погружение в изоляцию, превращение в страну с вымирающим населением, ставящую вечные вопросы об идентичности, предназначении и мечтающей о величии (52, с. 20).

Расположенная на границе двух миров, полагает З. Рачиньский, Россия не хочет быть частью «либерально-демократического интернационала». Действующая в России система власти больше похожа на классическую модель российского самодержавия, чем на настоящую демократию. Но это нравится россиянам. «Кавказская война проходила в атмосфере высокого патриотического подъема и не только явилась бальзамом для изболевшейся русской души, но и послужила консолидации властной элиты» (44, с. 45). Имперские амбиции России, писал Б. Вильдштейн на страницах «Жечи Посполитой», слишком хорошо известны Польше. Запад же плохо знает Россию и явно обольщается по поводу ее продвижения по пути демократии. Между тем Россию надо остановить, ибо опасно выращивать «российского монстра» (60, с. 14).

При всей распространенности подобного рода представлений их разделяли не все поляки. Так, М. Яницкий и В. Владыка на страницах популярного в стране еженедельника «Политика» усматривали опасность в политике Л. Качиньского, направленной на превращение Польши в некое прифронтовое государство, которому постоянно угрожает Россия. Эта политика, выглядящая патриотической, на деле становится политикой «морально-патриотического шантажа» и отнюдь не способствует реалистическому восприятию событий (20, с. 16). Весьма опасно, полагает М. Островский на страницах той же «Политики», сводить патриотизм

к «громким, смелыми, бескомпромиссным» декларациям против России. Лозунг изоляции России может быть и хорош в Португалии или за Атлантическим океаном, но весьма неоднозначен для страны, которая соседствует с Россией (40, с. 13).

Одним из основных элементов восприятия поляками России является лицемерие, писал на страницах «Жечи Посполитой» известный публицист П. Сквечиньский, что проявилось в отношении к российско-грузинскому конфликту. Объективно интерес Польши состоит в поддержке Грузии, но при этом удивляет упорство, с каким поляки не хотят признать факт, что и сама Грузия выступила как агрессор, напав на Осетию. Внешняя политика управляется национальным эгоизмом. Это нормально, что поляки поддержали грузинскую агрессию. Ненормально делать вид, что невозможен иной подход – оценка действий России как попытки защитить малый народ от грузинской аннексии. Хотя при этом Россия, признает автор, руководствовалась не любовью к осетинам, а своими национально-государственными интересами. «Складывается впечатление, – замечает Сквечиньский, – что единственным действием российского правительства, которое поляки признали бы удовлетворительным, было бы провозглашение Россией роспуска собственного государства и призыв соотечественников к коллективному самоубийству. Тогда бы на берегах Вислы все были бы довольны. Хотя и это, наверное, стало бы поводом для комментариев о российских саморазрушительных традициях, завершении дела Дзержинского и Сталина» (51, с. 13).

Во время событий 2008 г. на Кавказе на страницах польской печати нередко высказывалось мнение, что гораздо большего поляки смогут добиться, если откажутся от антироссийской риторики и будут действовать через структуры ЕС. Серьезные надежды в Польше возлагались на проект Восточного партнерства. Михник сравнивал этот план с «планом Маршалла для Грузии, Армении, Азербайджана, Украины и Молдавии». Усилия по вовлечению одной из участниц проекта Восточного партнерства в орбиту Европейского сообщества обернулись трагическими событиями в Украине в 2014 г.

Украина издавна занимала особое место в жизни польского государства. Исследователь А. Вежбицкий полагает, что, несмотря на незыблемость ялтинских границ, и по сей день в Польше сохраняется ностальгия по идеям УЛБ Ю. Мерошевского[12]. Это выражается в том, что власти III Речи Посполитой «стремятся к геополитической и геокультурной европеизации, а тем самым *вестернизации* Беларуси и Украины, что встречает отпор со стороны России, которая обе эти страны рассматривает как общее наследие Киевской Руси» (61, с. 95).

Анализируя проблему соседей в концепциях Российского государства и представлениях россиян, автор подчеркивает приоритетность идеи единства трех славянских народов, утвердившейся в русском сознании в XVII в. и сохранившейся до наших дней. Концепция «общерусской нации» присутствует, по мнению Вежбицкого, в политике властей Российской Федерации, в публицистике и научных исследованиях.

Автор полагает, что для белорусской идентичности характерно наличие как европейского, так и восточнославянского компонента. Причем, если «европейскость» характерна прежде всего для части политической элиты, то «средний белорус», а таковых в стране большинство, ощущают свою связь с Россией. Это не означает, что белорусы против европейской интеграции, «хотя постсоветизм и цивилизационная связь с Россией являются препятствием для восприятия европейских идей и ценностей» (61, с. 112).

Гораздо более сложной представляется ситуация на Украине, балансирующей между Востоком и Западом. К непростой ситуации геополитического соперничества России и Польши

---

[12] *УЛБ – Украина, Литва, Беларусь. Аббревиатура введена в политический дискурс Ю. Мерошевским, известным польским публицистом, соратником Е. Гедройца – издателя и редактора издаваемого в Париже журнала «Культура», в котором были изложены основные положения концепции «восточной политики Польши Гедройца-Мерошевского». Подробнее см.: Лыкошина Л. На пути от социализма к демократии // Польша в XX в. Очерки политической истории. – М., 2012. – С. 905–910. – Прим. авт.*

за влияние в Украине и Беларуси примешивается проблема национальных меньшинств, польского – в Беларуси и русского – в Украине. Согласно Вежбицкому, поляки в Республике Беларусь стали политическим инструментом, используемым польскими властями для демократизации и тем самым вестернизации государства. Русское сообщество в Украине разделено: одна его часть сохраняет лояльность по отношению к украинскому государству, другая считает своей родиной Россию и стремится к возрождению единого государства. Таким образом, признавая независимость своих восточных соседей, Россия и Польша соревнуются за сохранение влияния в этих государствах.

Польские политики решительно и однозначно осудили действия России. Когда в январе 2014 г. начались события на Майдане, ЕС не имела определенного плана действий. Едва ли не первой отреагировала Польша. Уже 22 января польский премьер Дональд Туск отправился в Европу со своим планом, предусматривающим санкции против России, финансовую помощь Украине, создание условий для нормальных выборов, подписание с Украиной договора об ассоциации с ЕС. С этими предложениями Туск посетил семь стран ЕС. В тот момент, когда начался штурм Майдана (18 февраля), в Киев прибыл министр иностранных дел Р. Сикорский вместе со своими германским и французским коллегами. Итогом стало подписание соглашения с Януковичем. Но реализовать его не удалось.

Международно-политический контекст событий изменился в связи с Крымом. Именно польский премьер отреагировал первым, предложив созвать чрезвычайное заседание Совета ЕС. В марте 2014 г. было принято решение о первых санкциях и о подписании политической части договора об ассоциации с Украиной. Стремясь к выработке консолидированной польской позиции, в марте Туск провел встречу с ведущими польскими политиками. На ней присутствовали А. Квасьневский, В. Чимошевич и Л. Миллер, представляющие польских левых, Я. Пехочиньский, глава Крестьянской партии, и Я. Качиньский, лидер крупнейшей оппозиционной партии «Право и справедливость» (ПиС). Последний никогда не принимал участие в подобного рода встречах, отвергая любые предложения. Глава ПиС заметил по итогам встречи: «Мы близки к такому положению вещей, когда можно говорить о единстве польских политиков по украинскому вопросу» (22).

Президент Б. Коморовский в том же марте 2014 г. созвал Совет национальной безопасности для рассмотрения вопроса об Украине. Президент отметил, что безопасности Польши ничего еще не угрожает, но ситуация создает угрозу международному порядку. Коморовский заявил, что дестабилизация ситуации в Украине в интересах России, действующей в целях ослабления связей регионов с Киевом (26). Способ разрешения конфликта, «ключ к поддержке Украины», как полагал Коморовский, находится в руках ЕС и США. Польша поддерживает США и старается влиять на ЕС, с тем чтобы Евросоюз осознал, что «если России удастся план дестабилизации Украины и приостановки процесса модернизации, то это будет угрозой всему политическому порядку в Европе». Президент подчеркивал, что вполне вероятен сценарий возвращения к холодной войне. Чем более прозападной является ориентация Украины, тем более безопасна Польша (24).

В той же тональности оценивал ситуацию на Украине возглавлявший польское правительство Туск (оставивший этот пост в сентябре 2014 г. в связи с избранием на должность главы Совета ЕС). Он считал, что в Украине идет война, но «война особого типа, без объявления войны» (56). По мнению польского премьера, ситуация провоцируется Россией. Шансов на дипломатическое урегулирование становится все меньше. НАТО и ЕС должны быть готовы к защите своих границ (57). Причем, позиция Европы должна быть консолидированной. Евроскептики, полагал Туск, «в реальности объективно либо субъективно, играют роль политиков, помогающих Путину в его очень опасной игре» (58). В роли евроскептиков на польском политическом пространстве традиционно выступает прежде всего ПиС, считающая провальным проект Восточного партнерства, развитию которого большое значение всегда придавал Туск.

Мысль о необходимости единой европейской политики и углублении евроинтеграции в полной мере поддерживают глава польских социал-демократов Л. Миллер и лидер партии «Твое движение» Я. Паликот. Они самым решительным образом выступают за углубление интеграции и вхождение Польши в зону евро. Паликот даже полагает, что это шаг был бы более эффективен, чем противоракетные установки. Хотя и последними поляки не склонны пренебрегать: в марте 2014 г. в Польшу прибыл контингент американских войск и самолеты. Наращивание военного присутствия НАТО предполагается и в дальнейшем. На саммите НАТО в Ньюпорте (сентябрь 2014 г.) принято решение об усилении боевой готовности многонационального Северо-Восточного корпуса НАТО, базирующегося в Щецине.

Польша стремится убедить ЕС в необходимости единой политики. Как заметил П. Грась (генеральный секретарь правящей партии «Гражданская платформа), «когда в темном лесу ты идешь против медведя, лучше это делать не одному, а в компании сильных друзей» (59). В важности европейского единства убежден и А. Квасьневский, прямо говорящий о создании «единого европейского фронта с привлечением США» (32).

Концентрированным выражением польской позиции стало выступление в Сейме 8 мая 2014 г. министра иностранных дел Польши Р. Сикорского[13]. Основное внимание он уделил Украине. Министр выразил мнение, что действия России, «безусловно, нарушают принципы мирного сосуществования народов», они «недопустимы с правовой точки зрения и политически небезопасны». Польша руководствовалась в отношениях с Россией постулатом Туска, согласно которому надо воспринимать Россию «такой, какая она есть». Но это было возможно, пока Россия соответствовала «критериям» современного мира. Сейчас Россия, по мнению польского министра, вступила на путь агрессии, и Польша делает соответствующие выводы (19).

В своей недавно изданной книге Х. Ван Ромпей отмечает, что в момент его вступления на пост председателя Совета ЕС проблемы взаимоотношений Украины и ЕС волновали только Польшу, ныне же события в Украине небезразличны всей Европе. Известный польский политик и публицист А. Ротфельд считает это несомненным успехом Польши (46). Однако в свете тех драматических событий, которые разворачиваются в Украине, вывод Ротфельда видится далеко не бесспорным.

Представляется правомерным констатировать, что польской общественной мысли в целом присуще скорее негативное отношение к России. Вместе с тем присутствуют представления о необходимости непредвзятого, объективного отношения к России, преодоления исторически сложившихся стереотипов. Как замечает профессор А. Белень, немногие в Польше заинтересованы в том, чтобы преодолеть «архаичные, стереотипные, подчас сюрреалистические и крайне упрощенные представления о России». Ведь как и все в мире, украинский кризис закончится, а «Польша по-прежнему останется соседом России и должна думать о своих интересах. Необходимо больше реализма и меньше морализаторства» (11).

Список литературы

1. Анкета «Новой Польши» // Новая Польша. – Варшава, 2003. – № 3. – С. 8–10.

2. Анкета «Новой Польши» // Новая Польша. – Варшава, 2003. – № 4. – С. 3–5.

3. Валицкий А. Россия // Вопросы философии. – М., 1990. – № 12. – С. 67–88.

4. Кулерский В. Визит Путина в польском зеркале // Новая Польша. – Варшава, 2002. – № 3. – С. 3–10.

[13] *В настоящее время Р. Сикорский оставил пост министра иностранных дел и является спикером Сейма – нижней палаты польского парламента. – Прим. авт.*

5. Михник А. Без демократии Россия – это Советский Союз // Новая газета. – М., 2004. – 5 апр. – С. 4.

6. Мочалова В. Представления о России и их верификация в Польше XVI–XVII вв. // Россия – Польша: Образы и стереотипы в литературе и культуре. – М., 2002. – С. 44–64.

7. Помяновский Е. Как нам ужиться с Россией // Новая Польша. – Варшава, 2002. – № 3. – С. 3–8.

8. Разьны А. Россия в глазах Марианна Здзеховского // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание. – М., 2000. – С. 155–161.

9. Туск Д. Польша не должна быть миссионером любой ценой. – Режим доступа: http://www.svoboda.org/content/article/460505.html

10. Хорев В. Мицкевич и польский стереотип отношения к России. Мицкевич и Пушкин // Польша и поляки глазами русских литераторов. – М., 2005. – С. 60–77.

11. Bieleń A. Rusofobia jest zjawiskiem powszechnym. – Mode of access: http://geopolityka.net/stanislaw-bielen-rusofobia-jest-zjawiskiem-powszechnym-w-polsce/

12. Bryc A. Wpływ geopolityki na tożsamość miedzynarodową Polski i Rosji // Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich. – W-wa, 2012. – S. 23–44.

13. Bohun M. Oblicza obsesji – negatywny obraz Rosji w myśli polskiej // Katalog wzajemnych uprzedzeń polaków i rosjan. – W-wa, 2006. – S. 203–302.

14. Cesarz-Maternicka E., Maternicki J. Sąsiedstwo państw i narodów w edukacji historycznej młodzieży // Wiadomości historyczne. – W-wa, 2005. – N 2. – S. 17–23.

15. Cywiński B. Sieroty po imperium // Rzeczpospolita. – W-wa, 2002. – 22 kwiet. – S. 3.

16. Czuma J. Filozoficzne punkty styczne Zachodu i bolszewizmu. – Lublin, 1930. – 150 s.

17. Habielski R. Życie spoleczne i kulturalne emigracji. – W-wa, 1999. – 340 s.

18. Halicki A. Unia musi pzrekrocić Bug // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 30 wrzes. – S. 12.

19. Informacja ministra spraw zagranicznych o zadaniach polskiej polityki zagranicznej w 2014 roku. – Mode of access: http://www.msz.gov.pl/pl/aktualnosci/wiadomosci/informacja_ministra_spraw_zagranicznych_o_zadaniach_polskiej_polityki_zagranicznej_w_2014_roku

20. Janicki M., Władyka W. Wewnętrzna polityka zagraniczna // Polityka. – W-wa, 2008. – N 35. – S. 14–16.

21. Jeliński E. Idee bolszewizmu w katolickiej myśli filozoficznej // Oblicza wschodu w kulturze polskiej. – Poznań, 1999. – S. 231–246.

22. Kaczyński J. Jesteśmy blizko stanu w który mozna mówić. – Mode of access: http://wyborcza.pl/1,75478,15552545,Kaczynski__Jestesmy_blisko_stanu__w_ktorym_mozna_mowic.html#TRre

23. Kapuściński R. Imperium. – W-wa, 2007. – 336 s.

24. Komorowski B. Pilnujemy-własnego-bezpieczeństwa. – Mode of access: http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/wywiady/art,278,pilnujemy-wlasnego-bezpieczenstwa.html

25. Komorowski B. W sprawie Ukrainy Polska chcę stanąć mocno na gruncie proponowanym przez USA. – Mode of access: http://m.wyborcza.pl/wyborcza/55,105226,15558139,,,,15557394.html?i=0

26. Komorowski B. Kryzys na Ukrainie wywoływany, by utrudnić wybory. – Mode of access: http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/wywiady/art,289,kryzys-na-ukrainie-wywolywany-by-utrudnic-wybory.html

27. Konieczna J. Polsko-rosyjskie asymetrie, uprzedzenia i nadzieje // Polacy i rosjanie: Przezwyciężanie uprzedzeń. – Łódż, 2006. – S. 137–143.

28. Konieczny F. Polska między wschodem a zachodem // Duzsa polska i rosyjska: Antologia. – W-wa, 2002. – S. 230–260.

29. Kotlarski G. Między rusofilią a rusofobią // Oblicza wschodu w kulturze polskiej. – Poznań, 1999. – S. 185–210.

30. Kuchazrewski J. Od bialego caratu do czerwonego // Duzsa polska i rosyjska: Antologia. – W-wa, 2002. – S. 342–407.

31. Kuczyński W. Rosja odbiła Kaukaz // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 13 sierp. – S. 14.

32. Kwaśniewski A. Trzeba bić na alarm. – Mode of access: http:// wyborcza.pl/1,75478,15554149,Aleksander_Kwasniewski__Trzeba_bic_na_alarm.html#TRrelSST

33. Lewandowski E. Rosyjski sfinks. – W-wa, 1999. – 216 s.

34. Lisak H. Obraz bolzsewika w oczach polaków w pierwzsych latach odradzającej się II Rzeczypospolitej, (1918–1920) // Oblicza wschodu w kulturze polskiej. – Poznań, 1999. – S. 383–394.

35. Magierowski M. Potwór Rosja // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 31 sierp. – S. 13.

36. Maresz T. Rosjanin w polskich podręcznikach szkolnych do historji. – Łódż, 2006. – 246 s.

37. Maternicki J. Nauczanie historii najnowszej // Wiadomości hist. – W-wa, 1987. – N 1. – S. 3–19.

38. Michnik A. Prezydent i rząd zdali gruziński egzamin // Gazeta wyborcza. – W-wa, 2008. – 10 wrześ. – S. 23.

39. Mochnacki M. Pisma krytyczne i polityczne. – Kraków, 1996. – T. 2. – 429 s.

40. Ostrowski M. Co z tą Rosją // Polityka. – W-wa, 2008. – N 34. – S. 13–15.

41. Pomianowski J. Protokoł rozbieżności // Rzeczpospolita. – W-wa, 2004. – 8–9 maj. – S. 8.

42. Pomorski A. Imperialna baba. – W-wa, 2003. – 215 s.

43. Przybyl E. Religie w Rosji w świetle prasy polskiej po 1989 r. // Polacy i rosjanie: Przezwyciężanie uprzędzen. – Łódź, 2006. – S. 344–357.

44. Raczyński Z. Rosja wstaję z kolan // Polityka. – W-wa, 2008. – N 37. – S. 45–46.

45. Romek Z. Nauka przeciw ideologii // Dzieje najnowsze. – W-wa, 2002. – N 1. – S. 95–102

46. Rotfeld S. Putin się przeliczył. – Mode of access: http://wyborcza.pl/ politykaekstra/1,140271,16500076,Rotfeld__Putin_sie_przeliczyl.html

47. Schaff A. Stereotyp: definicja i teoria // Kultura i społeczeństwo. – W-wa, 1978. – T. 22, N 3. – S. 43–78.

48. Sielezin J.R. Obraz Rosji i Rosjan w polskiej opinii publicynej i w webranych syntezach historii Polski i publicystyce w XX wieku // Obraz Rosji i Rosjan w Polsce XIX–XX wieku. Opnia publiczna. Stosunki polsko-rosyjskie. Pamięć historyczna. – Lublin, 2012. – S. 167–188.

49. Skorupska A. Polska opinia publiczna o Rosji i rosjanach // Polacy i rosjanie: Przezwyciężanie uprzędzeń. – Łódź, 2006. – S. 50–55.

50. Skorupska A. Wizerunek Rosji i rosjan w mediach // Polacy i rosjanie: Przezwyciężanie uprzędzeń. – Łódź, 2006. – S. 76–383.

51. Skwieczyński P. Kompleks Rosji // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 13–14 wrzes. – S. 13–15.

52. Smolar A. Kuda idiosz, Rossija? // Gazeta wyborcza. – W-wa, 2008. – 23–23 sierp. – S. 20–21.

53. Stefaniak J. Obraz Rosji i Rosjan w historiografii PRL (twolucja postaw ideowo-politycznych) // Obraz Rosji i Rosjan w Polsce XIX–XX wieku. Opnia publiczna. Stosunki polsko-rosyjskie. Pamięć historyczna. – Lublin, 2012. – S. 189–202.

54. Stobiecki R. Rosja i rosjanie w polskiej mysli historycznej XIX i XX ww. // Katalog wzajemnych uprzedzeń polaków i rosjan. – W-wa, 2006. – S. 159–201.

55. Tokarz T. Sowiety czyli Rosja. Teza kontynuacyjna w publictyce polskiego wychodśtwa // Przegląd humanistyczny. – W-wa, 2007. – N 4. – S. 98–118.

56. Tusk D. Mamy do czynienia z wojn. – Mode of access: http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/tusk-o-ukrainie-mamy-do-czynienia-z-wojna-choc-bez-wypowiedzenia,424408.html

57. Tusk D. Dobrze że polacy martwią się Ukrainą. – Mode of access: http:// www.tvn24.pl/ wiadomosci-z-kraju,3/tusk-dobrze-ze-polacy-martwia-sie-ukraina,426853.html

58. Tusk D. Nie pomagajcie się Putinowi. – Mode of access: http://wyborcza.pl/1,75478,15928040,Tusk_do_PiS_i_eurosceptykow__Nie_pomagajcie_Putinowi.html

59. Ukraińska pobudka Uni. – Mode of access: http://wyborcza.pl/1,75968,15851753,Ukrainska_pobudka_Unii.html

60. Wildsztejn B. Hodowanie rosyjskiego monstrum // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 5 wrzes. – S. 14.

61. Wierzbicki A. Nacjonalizm i geopolityka w Turopie Wschodniej // Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich. – W-wa, 2012. – S. 87–122.

62. Włodkowska-Bagan A. Konfliktowość w stosunkach polsko-rosyjskich jako stygmat geopolityczny // Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich. – W-wa, 2012. – S. 45–64.

63. Żakowska M. Rosia i rosjanin w publicystyce polskiej po 1989 r. // Polacy i rosjanie: Przezwyciezanie uprzędzeń. – Łódź, 2006. – S. 360–373.

64. Zdziechowski M. Wplywy rosyjskie na duszę polską // Duzsa polska i rosyjska: Antologia. – W-wa, 2002. – S. 151–173.

65. Zientara B. Dawna Rosja: Despotyzm i demokracja. – W-wa, 1995. – 350 s.

Общество и политические элиты Чехии о России

Ю.А. Щербакова

Аннотация. *В статье рассматривается отношение чешского общества и представителей элит к России. Значительное место уделено освещению позиции чешских средств массовой информации. Анализируется влияние украинского кризиса 2013–2014 гг. на формирование представлений о современной России.*

Abstract *. The article examines the attitude of the Czech's society and the representatives of the elites towards Russia. Special attention is paid to the analysis of Czech's mass-media positions. The impact of the Ukrainian crisis of 2013–2014 and the events of August 1968 are also investigated here.*

Ключевые слова: *Россия, Украина, общественное мнение, Чехия, президент, русофобия.*

Keywords: *Russia, Ukraine, public opinion, Czech, president, Russophobia.*

Восприятие России в чешском обществе

В конце 1990-х годов XX в. Россия, по мнению граждан Чехии, проводила на международной арене «непредсказуемую», а потому опасную политику. В это время российская внешняя политика «не вызывала подозрений» лишь у 2% чехов. В 1999 г. 26% населения Чешской Республики (ЧР) рассматривали Россию в качестве основного источника военной угрозы для своей страны (для сравнения – около 40% считали таковым Германию) (30). В мае 2014 г. 41% опрошенных чехов считали, что современная Россия представляет в настоящее время и будет еще как минимум десять лет представлять угрозу чешским национальным интересам, 59%, соответственно, придерживались противоположного мнения (16).

Начиная с 2000 г. Центр по изучению общественного мнения Социологического института АН ЧР публикует данные опросов о том, как чешское население оценивает отношения Чехии с зарубежными странами, в том числе с Россией. В 2012 г. их положительно оценили 54% чехов, примерно так же как и в 2010 г. (56%). В 2011 г. соотношение положительных и отрицательных оценок составило 63:27 (17). Из приведенных данных можно сделать два вывода. Во-первых, в чешском обществе растет число тех, кто испытывает опасения, связанные с политикой современной России, и, во-вторых, оно разделено практически пополам в восприятии нашей страны. Одна его часть опасается России, несмотря на то что Чехия является членом НАТО и ЕС, а другая не видит с ее стороны угрозы чешским национальным интересам. Те, кто не испытывает страха перед Россией, по мнению чешского историка и политолога Т. Крыстлика, находятся под влиянием российской пропаганды (28).

Важную роль в распространении пророссийских настроений, по мнению ученого, играет чешский «национальный инстинкт», сформированный в XIX в. деятелями чешского Возрождения и в настоящее время овладевший чешским обществом на уровне бессознательного. Содержательно он состоит из утверждения, что на Востоке располагается могучий славянский (русский) дуб, на который чехи как славяне могут опереться в случае опасности. «Следствием этого заблуждения являлось убеждение чешского населения в годы немецкого протектората, что чехам жилось бы лучше при советском коммунизме, чем при немецком национал-социализме, потому что в обоих случаях чехи теряли свою государственность, но при Советах им оставили бы язык как самый значимый атрибут народа». Далее Т. Крыстлик продолжает: «Те, кто сомневается в действенности русской пропаганды, пусть послушают высказывание 35-лет-

него мужчины, который говорит, что лучше быть оккупированным путинской Россией, чем эксплуатироваться Европейским союзом» (28).

То, что чешский историк определяет как «национальный инстинкт», по существу является проявлением идеологии панславизма, широко распространенной в чешской общественно-политической мысли в XIX в. Согласно идеям панславистов, России отводилась роль объединительницы и защитницы славянства. В монографии, посвященной геополитическим проблемам Центральной Европы, известный чешский политолог О. Крейчи пишет: «Чувство сопричастности, славянской взаимности, которая вырастает из общности психической организации, языка и истории, имеет огромный потенциал для возрождения. Оно характерно для многих чехов и словаков и сегодня» (26, с. 153).

«Стереотипы чешского отношения к русской политике, – отмечает З. Зборжил, политолог и историк, – имеют не только 200-летнюю традицию, но снова и снова удивляют нас постоянным интересом, который они вызывают, высокой эмоциональностью, которой они насыщены, полярностью оценок и своей постоянностью» (40, с. 16). К характерным чертам чешского восприятия русской политики и ее интерпретации автор относит использование наряду с метафорами и эвфемизмами политических лозунгов и сентенций. Самая распространенная в Чехии модель восприятия России, на его взгляд, это отношение к ней как к «мифу и пространству» в некоем летописно-сказочном варианте.

Если бы мы проанализировали все попытки чехов понять русскую политику на протяжении последних двух столетий, то смогли бы обнаружить существование практически неизменных взглядов о величии русской истории, с одной стороны, и ее незначимости – с другой, пишет З. Зборжил (40, с. 17). Эта дихотомия, по его мнению, типична для восприятия России и в других центральноевропейских странах. Именно через призму подобного восприятия, по мнению автора, следует расценивать воспетый Йирасеком поход русской армии после третьего раздела Польши через Силезию, Моравию, чешские земли, через приветствующую русские войска Прагу. Мало кто в настоящее время вспоминает о том, что временное пребывание русских войск на территории Чехии в конце 1799 – начале 1800 г. вызвало у русофилов «восторг и желание писать кириллицей» (40, с. 17).

Чешскими политиками национального освобождения от Австро-Венгрии середины XIX в. Россия воспринималась в образе единого славянского государства. Скорректировал «фантастический» образ России талантливый журналист К. Гавличек-Боровский. Осенью 1842 г. он уезжал в Москву как восторженный русофил, а вернулся спустя полтора года разочарованным политикой самодержавия. Гавличка в Россию пригласил историк М.П. Погодин; он долгое время жил в семье историка литературы С.П. Шевырева и благодаря ему познакомился с московскими славянофилами: Киреевскими, Бодянским, Хомяковым. Молодой чех восхищался русской литературой, особенно произведениями Н.В. Гоголя. Тем не менее со славянофилами он разошелся (2).

Чешские политики, как замечает З. Зборжил, не пригласили российских представителей на Всеславянский съезд в Праге (1848). «Их иллюзии были развеяны К. Гавличком, побывавшим в России. Позже подобный опыт приобрели и члены чешской делегации, возглавляемой Ф. Палацким, предпринявшие неудачное с политической точки зрения путешествие в Москву (май 1867 г.). Пожалуй, именно тогда чешские политики впервые столкнулись с российским самодержавием и осознали, что представляют собой имперские интересы России» (40, с. 17).

Палацкий, пишет чешский историк В. Доубек, автор одного из самых значимых чешских исследований о месте России в чешской внешнеполитической концепции в XIX в., исходил из необходимости усиления роли Австро-Венгерской империи, если это могло способствовать созданию иного, помимо России, мощного славянского центра. Для чехов было нежелательно чрезмерное усиление как Российской империи, так и объединяющейся Германии. Поэтому в противовес прежнему романтическому образу независимой России создавался стереотип дер-

жавы угнетенной, обнищавшей и агрессивной. В 1849 г. разговоры о чешской самостоятельности были пресечены Веной. Министр внутренних дел А. Бах придерживался либеральных экономических принципов, но твердо выступал против автономии. В. Доубек считает, что ограничения и даже подавление общественной жизни привело чехов к очередной переоценке ценностей, связанных с отношением к России. Сравнивая положение чехов, ограниченных в своих исторических возможностях, и ситуацию в России, потерпевшей поражение в Крымской войне, он указывает на вновь возникшую между ними близость (2).

Реформы Александра II пробудили в чешском обществе большие надежды. Возобладала уверенность, что либерализация общества приблизит Россию к Европе, а это соответствовало чешским интересам. Чешская печать убеждала, что это новая Россия «востребует» чехов. Ежедневная газета «Глас» писала в 1862 г.: «Россия открыла дверь идеалам нашего времени, вступив на дорогу спасительных реформ, которые обязательно приведут к большей образованности сельского населения, и образованность эта не может идти неславянским путем. Россия должна будет взяться за славянскую политику. Потом, вероятно, европейское сообщество устроится по-другому… Если не мы, то, несомненно, потомки наши обязательно достигнут успеха в новоустроенной русской империи. Это – вера, надежда и утешение наше. Под солнцем русской свободы взойдут потом буйно и всходы тех славянских и европейских народов, которые ныне изнемогают под ярмом угнетения» (2).

Подобный взгляд выражался в чешской, а позднее и чехословацкой политике вплоть до прихода к власти коммунистов в 1948 г. Как подчеркивает Доубек, чехи всегда хотели видеть Россию сильной, свободной, демократичной, процветающей страной, образцом государства, к которому они испытывали бы полное доверие. Динамично развивающаяся Германия была для них наглядным примером: жесткое государственное образование, экономически мощное, культурно процветающее, но – немецкое. Чехи в своих мечтаниях придавали будущей России именно эти черты европейской страны при сохранении исконного статуса державы славянской (2).

В подобном духе писалось большинство чешских репортажей и дневников из России второй половины XIX в. Журналист Й. Тоужимский и публицист и переводчик Я. Грубый («Письма из русской деревни», 1893) шли по следам первого пропагандиста ежедневной газеты «Народные листы» С.Б. Геллера. Его дневник «Жизнь в России», опубликованный в 1868 г., представлял целую гамму размышлений о русском величии, отождествляемом с гипотетической силой славянства. Под сенью этого величия вырастет чешская самобытность. «Россия не достигла еще полного расцвета, но теперь становится на ноги, усиливается, короче говоря, она еще растет. Россия и славянство вообще смогут в будущем, возможно, достаточно скором, сыграть великую роль, смогут овладеть течением событий в Европе, как другие народы того уже достигли» (2).

Активность России в чешском вопросе, по мнению Доубека, неуклонно снижалась. Многие российские политики, исходя из сложившейся геополитической ситуации, готовы были оставить чехов в сфере германских интересов. Однако, как утверждает З. Зборжил, иллюзии относительно России и в XX в. не были развеяны окончательно. Достаточно вспомнить, пишет он, представления К. Крамаржа о политическом устройстве Европы, суждения о славянстве Э. Бенеша, а также одержимость величием Советского Союза и восхищение И.В. Сталиным, спонтанно возникшие в гуще народных масс (40, с. 17).

Важную роль в определении отношения Чехии к Советскому Союзу сыграл второй чехословацкий президент Эдвард (Эдуард) Бенеш, известный как «президент-созидатель», сподвижник основателя чехословацкого государства Т.Г. Масарика. В настоящее время Бенешу предъявляются обвинения в том, что именно он являлся виновником мюнхенской капитуляции и ликвидации государства, что он добровольно «сдал» Сталину Чехословакию еще во время войны и тем самым ускорил советизацию остальных государств Восточной Европы.

Современные критики Бенеша зачастую ставят ему в вину симпатию к сталинскому режиму. Известный российский славист В.В. Марьина так объясняет эту симпатию: Бенеш считал, что СССР боролся за свободу, демократию, европейский мир, как и Чехословакия. Поэтому сталинский СССР он рассматривал в качестве гаранта независимости Чехословакии (7, с. 174).

Весьма примечательными являются выводы, сделанные в ходе изучения современного положения русского меньшинства в Чехии (38). В очередной раз было подтверждено, что для чехов не существует содержательных различий между понятиями «советский» и «русский». Отождествление этих понятий подрывает влияние России в Центральной Европе. По мнению Зборжила, как апология, так и критика российской государственной власти основываются на неизменных положениях, высказанных еще Т.Г. Масариком о константе русской политики: «Царь представляет собой высший и святейший авторитет, все, что он делает, – хорошо и законно, его поступки не должны оцениваться по их последствиям, а кто этого не понимает – не христианин и не русский. С небольшой корректировкой данное положение относится ко всем русским властителям, независимо от того, как они назывались – комиссары, секретари, генералы или президенты» (40, с. 18).

Результатом практически любых контактов с Россией являются несбывшиеся ожидания чешских политиков, а чешское общество получает представление не о реальных тенденциях русской политики, а только о представлениях по их поводу. В прошлом критика Советского Союза приравнивалась к предательству социалистических идеалов. В настоящее время позитивная информация о России расценивается как свидетельство дурного воспитания. «Туман из слов и воспоминаний, в котором теряются реальные очертания России, – пишет Зборжил, – на самом деле весьма удобен, так как позволяет нам легко впадать в заблуждение и так же легко находить ему оправдание. Однако достаточно одного-единственного конфликта вокруг газопровода, и популярное издание выходит с заголовком “Вместо танков – газ!“» (40, с. 18).

Еще одним поводом для выражения отношения к России стала публикация чешского перевода книги Н.А. Нарочницкой «За что и с кем мы воевали»[14]. В рецензии политолог М. Романцов пишет, что, «по мнению многих наблюдателей, Россия, отказавшись от марксизма-ленинизма, с не меньшей энергией средствами геополитики возрождает свои великодержавные позиции» (34, с. 115). В Чехии, по его мнению, долго недоставало работы, которая с достаточной убежденностью представила бы главные контуры современного российского внешнеполитического курса. Автор рецензии видит главную и единственную цель работы в обосновании тезиса, что любая территория, которой Россия/СССР овладевала в процессе своего исторического существования, становилась российской «на вечные времена». Эти земли России нужны не только для себя, а для выполнения своей исторической миссии – быть препятствием на пути агрессивных держав к установлению мирового господства. После монголов, Наполеона и Гитлера сегодняшними агрессорами являются англосаксонские державы и НАТО. Вызывает ироническую критику Романцова и тезис Нарочницкой о том, что Россия и россияне «в традиционных интенциях своего ортодоксального или большевистского миссионерства представляют собой единственную моральную альтернативу сегодняшнему испорченному обществу потребления» (34, с. 116). В целом автор рецензии видит в монографии российского историка откровенную защиту неоимпериалистической доктрины.

В другой своей работе М. Романцов сравнивает поведение двух значимых акторов международных отношений – США и России (12). По его мнению, оба государства являются империями, но Россия «этого не стыдится». «Те государства, которые, возможно, окажутся под контролем американской империи, если американцы признают ее существование и начнут ее систематически строить, имеют реальный шанс, что дела будут развиваться в позитивном направлении. Та часть света, которая окажется в орбите влияния России или Китая, наоборот,

[14] *Narocnickaja N. Rusko a jeho misto ve svete. Za co a s kym jsme bojovali. – Praha, 2006. – 207 s.*

должна быть уверена в том, что с ее обитателями случится именно то, что эти державы делали со своим собственным народом» (12).

Взгляду на Россию как на «империалистическую сверхдержаву» противостоит осознание того, что современная глобализация создает новый миропорядок. И Чешская Республика – маленькая страна, которая всегда от кого-то зависела, – в этом мире не зависит от конкретного государства, ведь капитал не знает границ, пишет В. Пророк, преподаватель политологии Пражского государственного экономического университета (10). «Вопрос только в том, сможет ли ЧР использовать свои преимущества в отношении России или будет постепенно вытеснена другими странами из этой сферы. Очень интересно наблюдать за такими странами, как Франция и Германия, которые ищут пути кооперации с Россией в надежде, что экономические и другие формы сотрудничества сгладят острые углы непонимания и произойдет сближение ценностей, что в свою очередь создаст условия для возникновения единого европейского пространства. Мне кажется, что в интересах ЧР присоединиться к этой политике» (10).

Несмотря на то что россияне и чехи не являются непосредственными соседями, чешско-российские отношения имеют свои традиции. Отсутствие общей границы снижало риск возникновения конфликтов, общие корни создавали условия для возникновения чувства панславянского родства, особенно у чехов, которые были частью онемеченной Центральной Европы. «Географическая отдаленность обоих народов, ограничивающая знание реальной жизни большого восточного брата, пробуждала ряд иллюзий и нереальных ожиданий части чешского общества по отношению к России» (10). К факторам, которые омрачили российско-чешские отношения, по мнению Пророка, принадлежат победа в России в 1917 г. коммунистов и включение после Второй мировой войны территории Чехословакии в сферу влияния СССР. Он отмечает, что оценка этих факторов как отрицательных никогда не была всеобщей, особенно в связи с опытом экономического кризиса 1930-х годов, мюнхенским диктатом, оккупацией Чехии фашистской Германией и значительным вкладом СССР в освобождение Чехословакии во Второй мировой войне.

Наиболее чувствительным фактором, проблематизирующим чешско-российские отношения, стала интервенция войск Варшавского договора в августе 1968 г., которую осудила и часть коммунистов, поддерживавших союзнические отношения социалистической Чехословакии с СССР. Пророк полагает, что в настоящее время в Чехии постепенно снижается уровень недружелюбного восприятия России, созданного коммунистической фазой чешско-российских отношений и событиями 1968 г. (10).

Россия глазами чешских лидеров

Отношение к России в Чехии, таким образом, имеет идеологическое и политическое измерение. Особый интерес представляет отношение чешской политической элиты, представители которой оказывают решающее воздействие на принятие решений в международной политике.

В последние два десятилетия в ЧР сменилось три президента: Вацлав Гавел, Вацлав Клаус и общенародно избранный в 2013 г. Милош Земан. В соответствии со ст. 63 и 41 чешской Конституции президент обладает в области внешней политики широкими полномочиями. Он назначает председателя и членов правительства, в том числе министра иностранных дел, и принимает их отставку. Президент является гарантом суверенитета Чешской Республики и представляет ее за рубежом; подписывает международные договоры и назначает послов. Президент также является Верховным главнокомандующим, а это значит, что он оказывает влияние на оборонную политику своей страны.

Гавел характеризовал Россию как сильного независимого партнера, обладающего огромной территорией, значительным военным потенциалом, богатыми культурными традициями,

принадлежащего, однако, к иной, чем Евроатлантическая цивилизация, среде. Являясь непримиримым критиком идей коммунизма и социализма, Гавел был убежден, что одним из источников этих идеологических концепций является Россия. Уйдя с президентского поста, В. Гавел продолжал доказывать, что Россия добивается включения Чехии в сферу российских интересов. При этом влияние России в постсоветский период носит более изощренный характер и осуществляется в экономическом проникновении. Гавел являлся одним из немногих чешских политиков, указывавших на отсутствие в России правового государства и на сохранение авторитарных черт постсоветского режима (20).

Свои критические замечания он высказал во время визита в Россию осенью 2007 г., в ходе которого он встречался с представителями российской оппозиции. Лейтмотивом отношения Гавела к России являлась неоднократно повторяемая им в статьях и выступлениях идея об отсутствии у России ясной самоидентификации. По его мнению, в России на протяжении всей ее истории возникали проблемы с определением своего места в мире. «Мне кажется, что Россия, вопреки невиданному прогрессу в развитии демократии и рыночной экономики, до сих пор не в состоянии ответить на вопрос о том, каковы ее пределы и как далеко распространяется сфера ее влияния. Именно поэтому она с большим трудом воспринимает расширение НАТО. Однако, – надеялся Гавел – она привыкает и привыкнет к этому расширению» (19, с. 88).

Эту же мысль президент развил в интервью «Новой газете»: «Я неоднократно говорил, что Россия – огромная евроазиатская империя. Точнее, чтобы никого не обидеть, огромная евроазиатская держава, которая является полноценной составляющей мультикультурного мира. Вместе с тем, на мой взгляд, у России есть одна проблема: у нее нет полной ясности, где она начинается, а где кончается. Думаю, кое-где эти границы несколько размыты. А размытые границы, если обратиться к истории, часто становились причиной войн. Сейчас такой угрозы нет, но все же я полагаю, что эта размытость создает определенные проблемы. Думаю, Россия может стать полноценной составной частью глобальной структуры межгосударственных отношений, если поймет, где она начинается, а где кончается. Сегодня же я замечаю в российской внешней политике некоторую тоску по советским границам, по территориям, входившим в Варшавский договор. Создается впечатление, будто Россия рассматривает как свою собственность все то, что ей когда-то принадлежало» (1).

Именно в этом контексте следует расценивать позицию В. Гавела в российско-грузинском конфликте. На его взгляд, Россия выступила в данном случае в роли агрессора, и ее поведение должно быть осуждено европейским сообществом. Он отрицал правомерность сравнения данной ситуации с косовской проблемой и предлагал другие аналогии: чеченская война и Мюнхенский сговор 1938 г.

Вацлав Клаус, наоборот, предлагает различать коммунистическое прошлое и современную Россию, тоталитаризм и русскую культуру. Рассказывая о себе, он пишет: «Многих русских я считаю своими личными друзьями, и мне не нравится излишний антирусизм некоторых моих нынешних коллег по политической деятельности. Скорее они должны были отрицать советизм. Моим литературным вкусам ближе Бабель, Бунин, Булгаков, чем популярная в наши дни западная литература» (23, с. 12). В 2007 г. Клаус был награжден медалью Пушкина, учрежденной Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы, за вклад в распространение русского языка и культуры. Этот факт он расценил как еще одно подтверждение того, что чешско-российские отношения все более приобретают характер «нормальных» (38).

В ходе российско-грузинского конфликта 2008 г. Клаус выразил глубокую обеспокоенность. Он осудил грузинское нападение на Южную Осетию и убийство гражданских лиц. Одновременно с этим он критически отнесся и к «массированному использованию российской армии». В интервью пражской газете «Mlada fronta Dnes» 15 августа 2008 г. он высказал убеждение, что нынешнюю ситуацию в Грузии никоим образом нельзя сравнить с вводом совет-

ских войск в Чехословакию в 1968 г.: «Чехословакия тогда не нападала на Подкарпатскую Русь[15], ввод войск не был ответом на наше нападение, Дубчек не был Саакашвили» (36). По мнению чешского президента, возникшую ситуацию скорее можно сравнивать с Косово: «С отторжением Косова Россия получила мощное оправдание для своей акции, и я опасаюсь, что с последствиями этого прецедента мы еще встретимся не раз, и не только на Кавказе» (35).

Клаус приложил немало усилий, аргументируя и объясняя свою позицию в отношении России. В интервью польской газете «Жечь Посполита» осенью 2008 г. он заявил: «Я думаю, что понимаю и разделяю взгляды Польши в 95 случаях из 100. Но вот в тех пяти случаях я с ней не согласен. По моему мнению, является ошибкой демонизация России. Я знаю польскую историю, и мне понятны причины, лежащие в основе опасений, которые вызывает у Польши эта большая страна на Востоке. Однако я думаю, что бороться сегодня с коммунизмом и Советским Союзом – ошибочно. Первые 15 лет после падения коммунизма Россия была слабым, растерянным, угнетенным и неуверенным в себе государством. Окрепнув, она стала проводить политику, исходя из своих национальных интересов, которые обладают такой же легитимностью, что и национальные интересы Польши или Чехии. Тогда ее стали обвинять в империализме. Я считаю, что это огромное упрощение и поверхностное суждение» (22).

[15] *Регион, входивший до Второй мировой войны в состав Чехословакии, а после войны решением государств-победителей на встрече в Ялте включенный в состав СССР. – Прим. авт.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.